

САРДАНАПАЛЪ,

ТРАГЕДІЯ БАЙРОНА.

Славному Гёте.

ужестранецъ осмѣливается поднести дань литературнаго вассала своему ленному государю, первому изъ современныхъ писателей, издавшему литературу своей страны и прославившему европейскую. Едостойное произведеніе, которое авторъ рѣшается посвятить ему, называется «Сарданапалъ».

(Переводъ посвящается Э. В. Аткинсону).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

САРДАНАПАЛЪ, царь ассирійскій.

ЗАМА.

СЕМБАКЪ, иудейскій, покусившійся на тронъ.

СФЕРО.

БАЛБА.

СЕМЗИСЪ, халдейскій жрецъ и прорицатель.

ВѢСТНИКЪ.

ЗАРИНА, царица.

МИМЕНЪ, братъ жены Сарданапала.

МИРРА, гречанка пльвица: наперсница Сарданапала.

СЪТАДА.

СНІЯ.

Женщинамъ, составляющія гаремъ Сарданапала; стража; дворцовые служители; псалты; иудеи—съ словами и безъ словъ.

Мѣсто дѣйствія—палата въ царскомъ ниневійскомъ дворцѣ).

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА I.

Дворцовая палата.

Салименъ, *(одинъ)*.

Онъ врагъ женѣ,—но онъ ей господинъ;
 Онъ врагъ моей сестрѣ,—но онъ мнѣ братъ;
 Народу врагъ,—но онъ его властитель;
 Мой долгъ къ нему: быть подданнымъ и другомъ.
 И я не допущу, чтобъ онъ погибъ,
 Чтобъ кровь Семирамиды и Немврода
 Изсякнула, чтобъ столь многостолѣтней
 Имперіи окончилась скрижалъ
 Пастушечю сказкой.—Пробудить
 Его пора.—Въ его груди растлѣнной
 Есть мужество, котораго развратъ
 Не истребилъ; есть сокровенный пылъ
 Подавленный, но не совсѣмъ погасшій,
 Глубоко погруженный, но отнюдь
 Въ пучинѣ сладострастья не заглохшій.
 Родись онъ пастухомъ,—онъ багряницы
 Достичь бы могъ;—родившись въ ней, онъ дѣтямъ
 Въ наслѣдство завѣщаетъ лишь одно
 Униженное имя.—Но не все
 Потеряно; онъ искупить способенъ
 И праздность, и позоръ свой, ставши тѣмъ,
 Чѣмъ долженъ быть,—такъ точно какъ онъ сталъ
 Чѣмъ быть не долженъ бы. Иль управлять
 Народами, вождемъ быть надъ войсками
 Безславнѣе, чѣмъ жизнь влачить въ гаремѣ?
 Изобрѣтать забавы, пресыщаться
 Съ утратой силъ—есть тотъ-же тяжкій трудъ,—
 Лишь недающій славы, какъ война,
 Здоровья, какъ охота.—Пробудить
 Его пора.

(За сценою слышны звуки нѣжной музыки).

Увы!—одинъ лишь громъ
 Способенъ пробудить его. Чу!—лира
 И тамбуринъ, и лютия; страстный звонъ
 Томящихъ струнъ и голоса гаремныхъ
 Погибшихъ жепъ—и тварей, что ничтожиѣй
 И самыхъ женъ,—собою оглашаютъ
 Его полдневный пиръ,—межъ тѣмъ какъ онъ

Великій изъ великихъ—возлежить
 Въ вѣнкѣ изъ розъ,—откинувъ діадему
 Какъ-бы затѣмъ, чтобъ дерзкая рука
 Ее смѣлѣй схватить могла.—Они
 Идутъ сюда; предтеча—ароматъ
 Несется отъ одеждъ благоуханныхъ;
 Пожаръ камней горитъ надъ вереницей
 Блестящихъ дѣвъ—вдоль этихъ галлерей—
 И между нихъ,—ни видомъ, ни нарядомъ
 Отъ нихъ не отличаюсь,—жалкій внукъ
 Семирамиды, женщины—героя.
 Вотъ онъ—я подожду,—пойду навстрѣчу,
 Я выскажу ему, что говорятъ
 О немъ всѣ тѣ, кто любитъ добродѣтель.
 Вотъ опъ—въ челѣ рабовъ своихъ идущій,
 Властитель—подданный своихъ рабовъ!

С Ц Е Н А II.

ходитъ Сарданапаль, одѣтый по-женски, съ красиво-небрежными
 складками на платьѣ, увѣнчанный цвѣтами, окруженный вереницею
 женщинъ и молодыхъ рабовъ.

Сарданапаль, (*къ одному изъ окру-
 жающихъ*).

Такъ слушай же: евфратскій павильонъ
 Цвѣтами разубрать, и освѣтить,
 И ложами уставить,—какъ прилично
 Для пиршества; мы въ полуночный часъ
 Трапезовать тамъ будемъ;—чтобы роскошь
 Была во всемъ—да прикажи, чтобъ намъ
 Готовили галеру. Надъ рѣчною
 Поверхностью ужь дышетъ вѣтерокъ
 Свѣжительный: мы скоро отплывемъ.
 Прекрасныя богини! съ кѣмъ такъ сладко
 Сарданапаль проводитъ дни, такъ—мы
 Увидимся опять въ тотъ тихій часъ,
 Когда мы соберемся, будто звѣзды,
 Горящія надъ нами и когда
 Изъ васъ самихъ сіяющее небо
 Такое-же составитъ: дотолѣ
 Вы надъ своимъ досугомъ госпожи.
 А ты за кѣмъ пойдешь, моя гречанка,
 За ними, иль за мной?

Мирра.

Мой повелитель —

*

Сарданапаль.

Мой повелитель? жизнь моя, зачѣмъ
Ты говоришь такъ холодно? — Но въ этомъ
Проклятiе царей, что имъ даютъ
Подобные отвѣты... Управляй
Сама своимъ досугомъ, мой сполна
Принадлежитъ тебѣ; скажи-жь, — съ гостями
Уходишь ты, иль времени теченье
Заворожишь на время для меня?

Мирра.

Царь, прикажи; твой выборъ — мой законъ.

Сарданапаль.

Прошу тебя, не говори такъ; счастье
Мое лишъ въ томъ, чтобъ угождать тебѣ.
Я высказать своей не смѣю воли,
Боясь твою не-угадать; ты слишкомъ
Скоро на то, чтобъ жертвовать другимъ
На счетъ своихъ желанiй.

Мирра.

Я остаться

Хотѣла бы; хранить твое блаженство —
Мое блаженство; но —

Сарданапаль.

Какое *но?* межъ нами

Преградой остается тутъ одинъ
Твой сладкiй произволь, какъ и всегда.

Мирра.

Я думаю — обычный часъ совѣта
Ужь наступилъ; я лучше удаюсь.

Салимень, (*подходя ближе*).

Рабыня правду говорить; ей лучше
Уйти отсель.

Сарданапаль.

Кто говоритъ? А, братъ!

Да какъ-же это ты, братъ?

Салимень.

Братъ царицы,

А твой, властитель, подданный — не больше.

Сарданапаль, (*относясь къ свитѣ*).

Такъ я сказалъ, что всѣхъ предоставляю
Самимъ себѣ; но въ полночь просимъ васъ
Собраться снова.

(*Свита удаляется; Мирра тоже
обнаруживаетъ желанiе уйти*).

Мирра! мнѣ казалось,

Что ты остаться хочешь.

МИРРА.

Государь,
Ты не сказалъ мнѣ этого.

САРДАНАПАЛЪ.

Но ты
Глядѣла такъ. Я разумѣю каждый
Взглядъ іонійскихъ этихъ глазъ: они
Какъ будто говорили, что меня
Ты не покинешь.

МИРРА.

Государь!—твой братъ—
Салимень.

Его супруги братъ! Поймижь, гречанка,
Что *братъ его супруги*. Какъ меня
Ты смѣешь называть и не краснѣть?

САРДАНАПАЛЪ.

Какъ не краснѣть?—да у тебя ни глазъ,
Ни сердца нѣтъ; зажечь ея ланиты
И пурпуромъ и розовою кровью,
Какъ снѣгъ вершинъ кавказскихъ въ часъ заката,
И укорять ее—жь потомъ, что ты
Такъ слѣпъ и такъ безчувственъ. Слѣзы—Мирра!

Салимень.

Пускай текутъ; она причиной служить
Слезъ болѣе горчайшихъ, чѣмъ ея.

САРДАНАПАЛЪ.

Будь проклятъ тотъ, кто этихъ слезъ причиной.

Салимень.

Не проклинай себя, какъ проклинаютъ
Тебя ужь милліоны.

САРДАНАПАЛЪ.

Ты забылся;
Не заставляй опомниться—меня,
Что я монархъ.

Салимень.

О, еслибы ты могъ!

МИРРА.

Властитель мой, и ты, князь, умоляю, —
Позвольте мнѣ уйти.

САРДАНАПАЛЪ.

Когда иначе
Не можетъ быть, когда онъ грудь твою
Столь нѣжную такъ оскорбилъ,—иди.
Но не забудь, что скоро часъ свиданья.
Я потерять готовъ скорѣе царство,

Чѣмъ случай быть въ присутствіи твоёмъ.

(*Мирра уходитъ*).

Салимень.

Ты оба вдругъ ихъ можешь потерять,
И оба навсегда, быть можетъ.

Сарданапалъ.

Братъ!

Будь справедливъ, скажи, что я умѣю
Владѣть собой!—Языкъ твой слишкомъ смѣлъ.
Но наконецъ—я слабъ, и есть предѣлы—

Салимень.

Едва-ли есть; ты слабъ; ты слишкомъ слабъ!..
Но пробудись—пора. О еслибъ силой
Ты закипѣлъ, хоть съ тѣмъ, чтобъ показать
Ее на мнѣ самомъ!

Сарданапалъ.

Клянусь Вааломъ—

Онъ мнѣ въ укоръ вмѣняетъ—отчего
Я не тиранъ!

Салимень.

Нѣтъ; ты тиранъ. Не думай,
Что только тотъ, кто вьетъ бичи, льетъ цѣпи,
И есть тиранъ. Нѣтъ,—деспотизмъ порока,
Распущенность, нечестіе разврата,
Безпечность, лѣнь, потворство создаютъ
Намъ тысячи тирановъ—и такихъ,
Что худшія дѣянья властелиновъ,
Прославленныхъ кровавыми—ничто
Предъ черными дѣлами ихъ; примѣры
Твоихъ всеневныхъ оргій точно такъ же
И угнетать способны, какъ развратъ
Распространять: въ одно и тоже время
Подкапывать твой величавый тронъ
И колебать столбы его; да такъ—
Нахлынь враги, или мятежъ домашній
Зажгись внутри—и то, и это гибель:
Одни внушаютъ твоимъ народамъ страхъ,
Другой прельститъ ихъ знаменемъ кровавымъ.

Сарданапалъ.

Ктожь произвелъ тебя въ мои пророки?

Салимень.

Забвенъ слезъ моей сестры—царицы;
Любовь къ ея младенцамъ, голосъ чувствъ,
Усердіе къ царю,—а онъ такъ скоро
Имѣть въ немъ будетъ нужду,—родословье

Великаго Немврода, и еще —
Еще есть вещь, которой ты не знаешь.

САРДАНАПАЛЪ.

А имя ей?

САЛИМЕНЪ.

Невѣдомое слово —

САРДАНАПАЛЪ.

Конечно мнѣ? Но назови его
Хоть ради назиданья.

САЛИМЕНЪ.

Добродѣтель.

САРДАНАПАЛЪ.

Не знать такого слова! да—оно
Мнѣ уши истерзало, какъ едва ли
Могли сто трубъ и дикихъ голосовъ;
Твоя сестра другихъ и словъ не знаетъ.

САЛИМЕНЪ.

Да, скучныя слова; но и порокъ
Не меньше громогласенъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Какъ?

САЛИМЕНЪ.

Да слушай—

Какъ тяжкій гулъ народныхъ голосовъ
О немъ шумить и даже вѣтры воютъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Я мягкосердъ—ты знаешь, терпѣливъ—
Ты испыталъ: скажи, чего ты хочешь?

САЛИМЕНЪ.

Сласти тебя.

САРДАНАПАЛЪ.

А дальше —

САЛИМЕНЪ.

Всѣ народы,—

Да, государь, народы, ты въ наслѣдство
Ихъ много получилъ,—какъ черный громъ
Гудятъ противъ тебя.

САРДАНАПАЛЪ.

Противъ меня?

Чего жь рабы хотятъ?

САЛИМЕНЪ.

Царя.

САРДАНАПАЛЪ.

А я?

Да я-то что жь?

Салименьъ.

На ихъ глаза—ничто;
Но на мои—ты человекъ, который
Еще бы могъ быть чѣмъ нибудь.

Сарданапалъ.

Шуты!

Бездѣльники! чего жь еще имъ надо?
Я далъ имъ миръ, я далъ имъ изобиліе.

Салименьъ.

О, одного такъ много, какъ бы слава
Давать не позволяла; но другаго
Я столько псамъ имѣть бы не желалъ.

Сарданапалъ.

Такъ обвиняй грабителей сатраповъ
За это зло.

Салименьъ.

Нѣтъ, я виню монарха,
Который стѣнъ дворцовыхъ никогда
Почти не покидаетъ, развѣ съ тѣмъ,
Чтобъ перейти въ нагорныя палаты,
Пока жары каленыя спадутъ.
О ты, Вааль, кто создалъ это царство
И сдѣлался въ немъ богомъ, иль какъ богъ
Лишь просіялъ многостолѣтней славой!
Ужель онъ твой потомокъ? Но, клянусь,
Онъ никогда не управлялъ, какъ царь,
Народами, которыхъ, какъ герой,
Ты покоришь трудомъ, терпѣньемъ, кровью...
И для чего? чтобъ алчность временщицы,
Иль оргію налогомъ обезпечить!

Сарданапалъ.

Сказать простѣй: ты хочешь, чтобъ я былъ
Завоевателемъ.—Вы, звѣзды неба,
Столь чтимыя халдеями! рабы
И точно заслужили, чтобъ найти
Проклятіе въ ихъ собственныхъ желаньяхъ,
О, слишкомъ заслужили, чтобы къ славѣ
Я указалъ имъ путь!

Салименьъ.

Зачѣмъ же нѣтъ?

Семирамида—женщина, не больше,
Къ гангесовымъ зыбучимъ берегамъ
Водила ассиріянъ.

Сарданапалъ.

Это правда.

Но какъ она вернулась?

Салимень.

Какъ герой,
Со славою, хотя и безъ побѣды;
На Бактрію устроивъ отступленье,
Она спаслась едва лишь съ двадцатью.
Солдатами.

Сарданапалъ.

А сколько за собою
Злымъ коршунамъ оставила въ добычу?

Салимень.

Объ этомъ лѣтописцы умолчали.

Сарданапалъ.

Такъ я за нихъ скажу тебѣ, что лучше
Ей во дворцѣ наткать бы двадцать платьевъ.
Чѣмъ съ двадцатью солдатами летѣть
Отъ Индіи до Бактріи, мирьяды
Другихъ солдатъ покинувъ за собой
На жертву псамъ и кровожаднымъ птицамъ
И больше ихъ свирѣпымъ—людямъ. Это ль
Ты славою называешь? Такъ оставь
Меня въ моемъ безславьи навсегда.

Салимень.

Не всѣмъ война грозитъ такимъ удѣломъ;
И славная праматерь ста царей,
Бывъ въ Индіи разбита, тѣмъ не меньше
Приобрѣла Мидію, Бактріану
И Персію, которыми владѣтъ
И ты бы могъ, какъ нѣкогда она—

Сарданапалъ.

Я ими и владѣю, а она
Ихъ только покоряла.

Салимень.

Власть надъ ними
Въ ея мечѣ, не въ скипетрѣ твоёмъ.

Сарданапалъ.

Быль, говорятъ, какой-то Бахусъ; правда ль?
О немъ слыхалъ я отъ моихъ гречанокъ;
По ихъ словамъ, онъ богъ быль; богъ, конечно,
Лишь греческій, кумиръ совсѣмъ безвѣстный
Халдейскому служенью; между тѣмъ
Онъ покоришь златое царство Инда,
Отколь спаслась Семирамида бѣгствомъ.

Салимень.

Такой герой извѣстенъ; и ты видишь,
Что онъ прослылъ за бога.

САРДАНАПАЛЬ.

И я самъ
Хочу почитать божественность его
Сверхъ—человѣчески. Гей! Виночерпій!

САЛИМЕНЬ.

Зачѣмъ царю слуга такой?

САРДАНАПАЛЬ.

Затѣмъ,
Что новый богъ и древній побѣдитель
Ждетъ почести. Вина—я говорю!
(Къ виночерпію, который входитъ.)

Подай мнѣ золотой пѣ алмазахъ кубокъ,
Тотъ—что зовутъ Немвродовою чашей.
Налей полнѣй, неси скорѣй.

(Виночерпій уходитъ.)

САЛИМЕНЬ.

Ужели
Ты вновь готовъ на подвигъ возліяній,
И даже сномъ не заснанныхъ еще!
(Виночерпій возвращается съ виномъ.)

САРДАНАПАЛЬ, (съ чашею въ рукахъ.)

Мой благородный сродникъ, если греки,
Какъ варвары непросвѣщенныхъ странъ,
Не хвастаютъ, такъ этотъ Бахусъ ихъ
Завоевалъ всю Индію; не такъ ли?

САЛИМЕНЬ.

Завоевалъ, за что и прослылъ богомъ.

САРДАНАПАЛЬ.

Нѣтъ не за то: нѣтъ,—о его побѣдахъ
Намъ говорятъ лишь нѣсколько колоннъ,
Его колоннъ, которая моими
И я бѣ назвать легко могъ, еслибъ ихъ
Лишь почиталъ достойными покупки,
Особенно провоза; не за то,
Что кровь онъ лилъ морями, что такъ много
Пронзилъ сердце, разграбилъ государствъ.—
Безсмертіе его вотъ въ этой чашѣ,
Оно въ дозѣ безсмертной, изъ которой
Онъ первый выжалъ душу и далъ людямъ
На радость душъ, — какъ искупленіе всѣхъ
Его побѣдъ и золь, рожденныхъ ими.
Не будь лишь этой чаши, — алтаремъ
Не быть его могилъ, смертнымъ звукомъ
Не перестать быть имени его.
Быть славною могла Семирамида,
Но божествомъ чудовище прослыть

Всежь не могло, какъ ни было чудесно.
Вотъ чрезъ что онъ богомъ сталъ.

(Подаетъ ему чашу.)

Отвѣдай, —
И будешь человѣкомъ. Добрый, вѣрный,
Сварливый братъ — въ честь греческаго бога!

Салимень.

Я не возьму всѣхъ царствъ твоихъ, чтобъ такъ
Надъ вѣрою отчизны издѣваться.

Сардапапалъ.

Безъ громкихъ словъ. Ты видишь въ немъ героя
За то, что кровь онъ проливалъ, какъ воду.
Но плодъ простой онъ сдѣлалъ чародѣйствомъ,
Что обновляетъ старость, веселитъ
Печалью удрученныхъ, вдохновеньемъ
На юношей нисходитъ, забываетъ
Труды даетъ усталымъ, бояливымъ
Опасности, — миръ открываетъ новый,
Когда постылъ становится намъ этотъ, —
И ты не признаешь въ немъ бога! Чтожь?
Я для тебя пить за него готовъ
Лишь какъ за человѣка, что безмѣрно
Въ добрѣ и злѣ всѣхъ смертныхъ превзошелъ.

(Пьетъ.)

Салимень.

Ужель сейчасъ ты оргію откроешь?

Сардапапалъ.

И еслибъ такъ, то все гораздо лучше
Чѣмъ покупать цѣною слезъ трофеи.
Но цѣль моя другая: ты не хочешь
Мнѣ отвѣчать, такъ дѣлай что ты хочешь.
Уйди, дитя! *(Виночерпій уходитъ.)*

Салимень.

Я положить хотѣлъ бы
Конецъ твоей дремотѣ: вѣдь опаснѣй
Быть мятежемъ пробуждену, чѣмъ мной.

Сардапапалъ.

Какой мятежь? изъ-за чего? гдѣ поводъ?
Я не украдъ корону, я законный,
Наслѣдный царь изъ племени царей,
Не помнящихъ начала родословной.
Что сдѣлалъ я тебѣ, иль этой черни,
Чтобъ ты ворчалъ, она грозила бунтомъ?

Салимень.

Что сдѣлалъ мнѣ, — о томъ не говорю я.

Сарданапалъ.

Но все равно, ты думаешь, что я Царицу оскорбилъ? Не такъ ли?

Салимень.

Да;

Я думаю! Она оскорблена!

Сарданапалъ.

Терпѣнье, князь, и выслушай меня.

Ей все дано, что должно ей по сану, —

Вниманье, блескъ, значенье, власть, почетъ;

Ей ввѣрены наслѣдники престола.

Но я на ней женился, какъ монархи

Всѣ женятся — изъ видовъ государства,

И я ее любилъ, какъ всѣ мужья

Женъ любятъ вообще. Когдажъ она,

Иль ты воображалъ, что я могу

Быть преданъ ей въ той мѣрѣ, какъ халдейскій

Пастухъ своей подругѣ, — это значить,

Что вы не понимали ни царей,

Ни сердца человѣка, ни меня.

Салимень.

Оставимъ разговоръ такой; до жалобъ

Себя я не унижу, и любви

Моя сестра вымаливать не станетъ

Ниже — у ассирійскаго царя!

Она сама отвергнула бы страсть,

Которую съ рабынями гарема,

Съ гречанками должна бѣ была дѣлать.

Она молчить.

Сарданапалъ.

Зачѣмъ же не молчить

И братъ ея?

Салимень.

Я повторяю голосъ

Твоихъ лишь царствъ: тому, кто такъ легко

Глядитъ на нихъ, не трудно потерять ихъ.

Сарданапалъ.

Рабы неблагодарныя! рабы

Неблагодарныя! роптать за то,

Что я не лилъ ихъ крови, не водилъ

Ихъ умирать мирьядами въ пустыни

Отъ голода и жажды, что Гангеса

Не запрудилъ громадой ихъ костей,

Что не писалъ имъ кровію законовъ,

Не воздвигалъ ни гордыхъ пирамидъ,

Ни башенъ вавилонскихъ ихъ руками!

Салимень.

А между тѣмъ то были бы трофеи
Всежь болѣе достойные царя,
Равно какъ и народа, чѣмъ пиры,
Наложницы съ ихъ музыкой и пѣньемъ,
Съ презрѣньемъ къ добродѣтели и жаждой
Народныя богатства расточать.

Сарданапалъ.

Что до моихъ трофеевъ, ты забылъ,
Что я воздвигнулъ Тарсъ и Анхіалъ —
Два города въ единый день; межъ тѣмъ
Твоя Семирамида, вѣдьма злая,
Старуха кровожадная, солдатъ,
Праматерь непорочная моя,
Лишь раззорять умѣла!

Салимень.

Это правда :

Ты эти города соорудилъ, —
Хоть изъ одной лишь прихоти, — и ты
Ихъ обезсмертилъ надписью, въ которой
Твой стыдъ пройдетъ сквозь длинный рядъ вѣковъ.

Сарданапалъ.

Мой стыдъ! клянусь Вааломъ, — города,
При всей своей чудесности, не стоятъ
Той надписи. Что хочешь говори
Ты обо мнѣ, моемъ правленьи, жизни,
Но истины не порицай; въ немногихъ
Строкахъ короткой лѣтописи этой
Содержится исторія всѣхъ дѣлъ
И жизни человѣка; слушай: «Царь
Сарданапалъ, сынъ Анасиндаракса,
Воздвигнулъ въ сутки Тарсъ и Анхіалъ.
Ѣшь, пей, люби; все остальное въ мірѣ
Не стоитъ и щелчка.»

Салимень.

Урокъ достойный,

Чтобъ подданнымъ его внушалъ самъ царь!

Сарданапалъ.

А ты хотѣлъ, чтобъ я писалъ уставы, —
Какъ на примѣръ: «народъ! служи царю;
Плати въ его казну; вступай въ ряды
Его фалангъ; — ни крови не щади,
Ни жизни для него; — лежи во прахъ
И трепещи; — вставай лишь на работу.»
Иль такъ: «Сарданапалъ на этомъ мѣстѣ
Сто тысячъ непріятелей убилъ.

Вотъ ихъ гроба и вотъ его трофеи.»
 Я это побѣдителямъ оставилъ;
 А для меня довольно, если я
 Для подданныхъ хоть каплею единой
 Грузъ нищеты природной облегчу,
 Дамъ въ гробъ сойти безъ стоновъ и проклятій.
 Я ни въ одной не отказалъ имъ льготѣ,
 Доступной мнѣ. Мы люди, всѣ мы люди.

Салимень.

Отцы твои считались за боговъ.

Сарданапаль.

Въ землѣ и послѣ смерти, гдѣ они
 Ни боги и ни люди. Говори
 Еще ты о богахъ мнѣ! Черви — боги.
 Они живутъ по крайней мѣрѣ мясомъ
 Твоихъ боговъ, съѣдая ихъ до тла.
 Тѣ боги были люди. Погляди
 На ихъ потомка: онъ сто тысячъ разъ
 Свою извѣдалъ смертность и ни разу
 Божественность, — когда не брать въ расчетъ
 Преступнаго, по твоему, влеченья:
 Любить, быть милосердымъ, извинять
 Дурачества людскія, — и затѣмъ
 Быть и къ своимъ отчасти благосклоннымъ.

Салимень.

Увы! скрѣпленъ, подписанъ приговоръ
 Великой Ниневіи. Горе, — горе
 Соперницѣ не имѣющей столицѣ!

Сарданапаль.

Чего ты испугался?

Салимень.

За тобой

Слѣдять враги;—черезъ нѣсколько часовъ
 Промчатся можетъ буря, чтобъ сразить
 Тебя, меня и близкихъ намъ обоимъ.
 День завтрашій ужь можетъ не видать
 Ваалова потомства.

Сарданапаль.

Кто же намъ

Грозить такой бѣдою?

Салимень.

Царь! измѣна,

Которой ты опутанъ, какъ сѣтьми.—
 Но мы ихъ избѣжимъ: уполномочь
 Меня своимъ лишь перстиемъ — эти козни

Разоблачить — и головы виновныхъ
Зачинщиковъ падутъ къ твоимъ ногамъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Какъ головы? — И много?

САЛИМЕНЪ.

Неужель

Ихъ численность смутить меня, когда
Твоя въ опасности? — но, царь, пора;
Дай перстень мнѣ — и предоставь все дѣло.

САРДАНАПАЛЪ.

Нѣтъ, жизнью человѣческихъ не властенъ
Предоставлять я никому. Когда
Мы у другихъ беремъ ихъ, мы не знаемъ
Ни что беремъ, ни даже — что даемъ.

САЛИМЕНЪ.

Ужель пресѣчь ты не захочешь жизнью,
Тебѣ грозящихъ смертью?

САРДАНАПАЛЪ.

Это трудный

Опять вопросъ. Но я отвѣчу: да.—
Не лзя ль безъ этого?—И кто такіе,
Кого ты заподозрилъ?—Иль не лзя ль
Подъ стражу посадить ихъ?

САЛИМЕНЪ.

Я бь желалъ

До времени быть скромнымъ,—а не то
Болтливый людъ наперсницъ въ тотъ же мигъ
Твою узнаеть тайну,—черезъ часъ
Она пойдетъ по улицамъ столичнымъ
Гулять безъ покрывала—и тогда
Погибло все.—Довѣрься лучше мнѣ.

САРДАНАПАЛЪ.

Ты зналъ, что я не поступлю иначе.
Вотъ перстень мой. *(Передаетъ перстень)*.

САЛИМЕНЪ.

Но я хочу еще

Тебя просить.

САРДАНАПАЛЪ.

О чемъ?

САЛИМЕНЪ.

Твой пиръ ночной

Въ евфратскомъ павильонѣ отложить.

САРДАНАПАЛЪ.

Пиръ отложить!—Ни ради всѣхъ воришекъ,
Когда-либо короны воровавшихъ!
Дай время имъ, всѣ средства предоставь:

Ни въ чемъ для нихъ себѣ не откажу я;
 Съ скамьи не встану раньше; ни одной
 Не воздержуся чашей; ни листка
 Въ моемъ вѣнкѣ цвѣточномъ не убавлю;
 На мигъ не сокращу веселья.— Я
 Ихъ не боюсь.

Салимень.

Такъ ты по крайней мѣрѣ
 Вооружись.

Сарданапалъ.

Быть можетъ. У меня
 Есть доброе вооруженіе: мечъ
 Высокаго закала, лукъ, копье—
 Хоть самому Немвроду—только въ пору:
 Не много тяжелы, но мнѣ въ подъемъ.—
 Однако я не помню ужь, когда
 Употреблялъ ихъ, даже на охотѣ.
 Ты видѣлъ, братъ, ихъ прежде?

Салимень. •

Время-ль
 Теперь шутить такъ странно?—Но въ нуждѣ,
 Захочешь-ли ты ихъ хоть приподнять?

Сарданапалъ.

Я захочу-ль? О если это нужно,
 Коль не легко смирить рабовъ безумныхъ
 Безъ тяжкихъ средствъ,—я подниму мой мечъ,
 И я его не опущу дотолѣ
 Пока они не взмолятся, чтобъ онъ
 Былъ обращенъ въ веретено.

Салимень.

Какимъ,
 По ихъ словамъ, твой скипетръ сталъ давно.

Сарданапалъ.

И это ложь!—Но пусть ихъ говорятъ.
 У древнихъ грековъ, про которыхъ намъ
 Поютъ рабыни наши, былъ герой
 Великій,—Геркулесъ;—о немъ молва
 Такая же носилась, потому,
 Что онъ любилъ лидійскую царицу:
 Ты видишь,—чернь у всѣхъ народовъ таже,
 Всегда чернить властителей готова.

Салимень.

Твоихъ отцовъ однако не чернила
 Она такъ грубо.

САРДАНАПАЛЪ.

Нѣтъ; она не смѣла.

Она была работой занята,
Или войной, и ежели скидала
Когда свои оковы, то за тѣмъ,
Чтобы надѣть лишь латы; а теперь
Ей дали миръ, свободу, позволенье
Кричать и пить: я не сержусь на это.
Я не продамъ улыбку милой дѣвы
За весь народный гулъ, какой лишь могъ
Когда-нибудь ничтожеству дать имя.
Что значить ревъ бессмысленнаго стада
До наглости разкормленныхъ скотовъ,
Чтобъ дорожить ихъ шумною хвалою,
Иль криковъ ихъ противныхъ трепетать?

Салименъ.

Но ты сказалъ, что это тоже люди;
Такъ не забудь—у нихъ есть и сердца.

САРДАНАПАЛЪ.

У псовъ моихъ есть также—даже лучше,
Какъ и честнѣй: по продолжай,—ты взялъ
Мою печать; и какъ они бунтуютъ,
То усмири; не будь жестокъ однако,
Не позабудь границъ. Я не терплю—
Ни самъ страдать, ни заставлять другихъ.
Довольно съ насъ и безъ того скорбей,
Чтобы рабы, какъ и монархи, дружно
Не возвышать старались тяжкій грузъ
Намъ нищеты врожденной, а скорѣе
Взаимнымъ вспоможеньемъ облегчать—
Висящія надъ жизнію проклятья.
Но этого они — или не знаютъ,
Иль не хотятъ и знать. Клянусь Вааломъ!—
Я сдѣлалъ все,—что только могъ для нихъ:
Не велъ войны, не возвышалъ налоговъ,
Не проникалъ въ дома ихъ; позволялъ
Жить всякому, какъ онъ умѣлъ, какъ могъ лишь,—
Какъ жилъ и самъ.

Салименъ.

Они же говорятъ,
Что ты забылъ права свои, что быть
Поэтому монархомъ—ты не созданъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Но лгутъ они. Къ несчастью я ничѣмъ
Другимъ не созданъ быть;—не то-бъ послѣдній
Могъ мидянинъ и вправду быть царемъ.

Салименъ.

Есть мидянинъ одинъ, по крайней мѣрѣ,
Который домогается имъ быть.

Сарданапалъ.

Что разумѣть подъ этимъ?—Но ты хочешь,
Чтобъ это оставалось тайной; и
Не такъ и любопытенъ; дѣлай все,
Что ты найдешь лишь пужнымъ; я заранѣ
Скрѣпляю все, когда уже такъ нужно.
Нѣтъ;—человѣка не было еще,
Который бы такъ счастья и мира—
Желалъ рабамъ подвластнымъ!—Но когда
Они вооружать меня, клянусь,—
Что лучше-бъ имъ свирѣпаго Немврода,
«Могучаго ловца» воззвать изъ праха!
Я обращу въ пустыни эти царства,
Звѣрей травить начну въ нихъ, что людьми
Быть сами не хотѣли.—Коль за то,
Чѣмъ я имъ былъ, они меня злословятъ,—
Я буду тѣмъ, что превзойдетъ ихъ жажду
Изобрѣтать причины для злословья!
И пусть они благодарятъ себя.

Салименъ.

Такъ наконецъ почувствовать и ты могъ.

Сарданапалъ.

Почувствовать! да кто-жъ неблагодарность
Не чувствуетъ?—

Салименъ.

Я, вмѣсто словъ, на это
Дѣлами отвѣчать спѣшу.—Храни
Лишь этотъ духъ, который спитъ порою,
Но никогда не умиралъ въ тебѣ,—
И ты еще и царствованьемъ можешь
Прославиться и въ этомъ царствѣ вновь
Могучимъ быть—прощай.

Сарданапалъ, (одиль).

Прощай.

Вотъ онъ ушелъ, и перстень мой на пальцѣ
Унесъ съ собой: теперь онъ тотъ же царь.
А онъ такъ строгъ, такъ строгъ, какъ я безпеченъ...
Но и рабы однако заслужили
Почуять господина надъ собой.
И въ чемъ опасность,—я не знаю. Онъ
Ее открылъ, пускай онъ и розыщетъ.
Мнѣ-ль тратить жизнь,—столь маленькую жизнь,—
Слѣдя за тѣмъ, что ей грозитъ быть маммие?

Да стоитъ-ли?—И жить подъ страхомъ смерти,
 Боясь крамоль, подозрѣвая всюду—
 Вблизи, вдали: однихъ за то, что близко,
 Другихъ за то, что далеко отъ насъ,—
 Не значить-ли до срока умирать?—
 Потомъ и то,—допустимъ, что сметутъ
 Меня съ лица земли и царства,—пусть...
 Да что земля, иль царство на землѣ?—
 Я жилъ, любилъ, я умножалъ свой образъ;
 Простая персть должна не меньше просто
 И умереть!—То правда, я не лилъ
 Морями кровь, какъ лить бы могъ, покуда
 Тождественнымъ мое не сдѣлалъ имя
 Я именамъ: опала, смерть, трофей.
 Но въ этомъ я не каюсь и теперь.
 Мнѣ жизнь—любовь: и если я до крови
 Дойду когда, то не изъ жажды крови...
 Ея досель не пролито ни капли
 Изъ ассирійской жилы для меня.
 Изъ тяжкихъ грудь сокровищъ Ниневіи
 Ни обола не брошено на то,
 Что стоило-бъ ея сынамъ хоть слезки.
 Я мягкосердъ,—меня лишь ненавидятъ;
 Я милосердъ,—мнѣ угрожаютъ бунтомъ.
 О люди! нѣтъ,—не съ скипетромъ, съ косою
 Должно стоять надъ вами, чтобъ косить
 Васъ какъ траву,—иль пожинать придется
 Постылый плодъ, гнилую жатву—смуть,
 Зловредную для почвы благородной,
 Грозящую пустыней плодородью.
 Что говорить!—Гей!—кто-нибудь! Гей!

(Входитъ служитель).

Рабъ—

Скажи гречанкѣ Миррѣ, что мы просимъ
 Ее сюда.

Служитель.

Властитель,—вотъ она.

(Входитъ Мирра).

Сарданапаль, *(къ служителю).*

Такъ прочь отсель.

(Къ Миррѣ).

Прекрасное созданье!

Ты узнаешь во мнѣ желанья сердца;
 Едва оно лишь для тебя забилось
 И ты идешь: я вѣрю, духъ незримый
 Какой-то есть, услужливый оракулъ,

*

Что служить намъ посредникомъ въ разлукѣ
И насъ влечетъ другъ къ другу.

Мирра.

Да, онъ есть.

Сарданапалъ.

Я знаю—есть, но какъ его назвать,—
Кто онъ такой?

Мирра.

Въ моей отчизнѣ—Богъ,
Въ моей груди—возвышенное чувство,
Достойное лишь Бога,—хоть оно
Не болѣе, какъ смертно; я не даромъ
Его стыжусь,—хоть нахожу въ немъ счастье...
То есть, могла бы,—но...

(Мирра недоговариваетъ).

Сарданапалъ.

Вотъ такъ всегда—

Межъ нашими сердцами и межъ тѣмъ,
Что счастиемъ зовемъ мы,—будто что-то
Находится: скажи мнѣ—чѣмъ могу я
Твое упрочить счастье;—за свое
Тогда бы я ручался.

Мирра.

Государь!

Сарданапалъ.

Величество—властитель—государь—
Такъ! вѣчно такъ!—и все съ подобострастьемъ.
Я не могу улыбки встрѣтить,—развѣ
Средь оргіи въ бессмысленныхъ глазахъ,
Когда шуты напьются до равенства,
Иль я до униженья ихъ упыюсь.
О Мирра!—нѣтъ, довольно, что я слышу,
И болѣе,—что я любилъ когда-то,
То есть, терпѣлъ всѣ эти имена—
Величество—монархъ—властитель—царь—
Изъ устъ сатраповъ и рабовъ.—Когдажъ
Столь нѣжно мной любимыми устами
Лепечуть ихъ, устами, что хранятъ
Слѣды моихъ лобзаній,—дрожь и холодъ
Мою объемлютъ душу, я клянусь
Ту высоту, куда не смѣютъ чувства
И даже тѣхъ подняться, для кого
Во мнѣ и есть лишь чувство; я готовъ
Забросить въ грязь вѣнецъ мой, чтобъ съ тобой
Жить въ хижинѣ кавказской, не носить
Другихъ вѣнцовъ, кромѣ изъ травъ сплетенныхъ.

МИРРА.

О еслибъ мы могли!

САРДАНАПАЛЪ.

Ужель и ты—

Такъ чувствуешь?

МИРРА.

Ты тамъ узнать бы могъ,
Чего ты знать не можешь никогда.

САРДАНАПАЛЪ.

А именно—

МИРРА.

Прямую цѣну сердца,—
Хоть женщины.

САРДАНАПАЛЪ.

Я зналъ ихъ тысячи,

Да; тысячи и тысячи.

МИРРА.

Сердцецъ?

САРДАНАПАЛЪ.

Я думаю.

МИРРА.

Ни одного!—но можетъ
Прійти пора;—тогдабъ ты могъ—

САРДАНАПАЛЪ.

Пора—

Она идетъ. Послушай,—Салименъ
Мнѣ объявилъ,—а какъ и почему
Онъ самъ узналъ, объ этомъ знаетъ больше
Ваалъ, родоначальникъ мой, чѣмъ я,—
Но Салименъ мнѣ объявилъ, что тронъ
Въ опасности.

МИРРА.

Онъ честно поступилъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Ты-ль это говоришь?—и не тебя-ль
Онъ оскорбилъ такъ грубо; разлучилъ
Насильственно со мною и своими
Столь дикими намѣками заставилъ
И плакать и краснѣть?

МИРРА.

Я и должна,

Должна краснѣть и плакать: онъ напомнилъ
Мнѣ только долгъ... Но ты сказалъ—опасность—
Опасность для тебя!—

САРДАНАПАЛЪ.

Да; отъ какихъ-то козней,

Иль отъ свѣтей, отъ мидянъ, отъ солдатъ,
 Народовъ недовольныхъ, я не знаю;
 Тутъ цѣлый лабиринтъ загадокъ, тайнъ,
 Вещей необъяснимыхъ и угрозъ:
 Ты знаешь Салимена—для него
 Иначе невозможно. Но онъ честенъ.
 А впрочемъ... пусть... подумаемъ съ тобой
 О праздникѣ полночномъ.

МИРРА.

Нѣтъ,—пора
 Подумать о другомъ.—Ты не отвергъ
 Его предупрежденій?

САРДАНАПАЛЪ.

Какъ! ужели

Боишься ты?

МИРРА.

Боюсь ли?—Я гречанка,
 Такъ какъ же я бояться стану смерти?
 Я пльница,—такъ какъ же я страшиться
 Могла-бъ моей свободы?

САРДАНАПАЛЪ.

Но ты вдругъ

Такъ поблѣднѣла.

МИРРА.

Я люблю.

САРДАНАПАЛЪ.

А я?

Я не люблю? Да я люблю тебя,
 Какъ не люблю ни этой жизни краткой,
 Ни этихъ царствъ обширныхъ, можетъ быть
 И вправду угрожаемыхъ;—но я—
 Я не блѣднѣю.

МИРРА.

Знакъ,—что ты не любишь...
 Ты ни себя не любишь, ни меня:
 Нельзя любить, не дорожа собою,
 Хоть для души любимой. И возможно-ль
 Терять и жизнь и царство такъ безпечно?

САРДАНАПАЛЪ.

Терять!—Но гдѣ-жь отважный бунтовщикъ,
 Который бы дерзнулъ ихъ домогаться?

МИРРА.

Но гдѣ и тотъ, кого-бы онъ робѣлъ
 Такъ много предпринять?—когда правитель
 Народовъ забывается, ужель
 О немъ народъ захочетъ помнить?

САРДАНАПАЛЪ, (*инъвно*).

Мирра!

МИРРА.

Не хмурься на меня: ты улыбался
Такъ часто мнѣ, что видъ твоихъ бровей
Нахмуренныхъ,—предвѣстниковъ опалы,—
Мнѣ тяжелѣй самой опалы.—Царь!
Я у тебя въ подданствѣ.—Господинъ!
Я у тебя въ рабыняхъ.—Человѣкъ!
Я такъ тебя любила.—О, любила
Какой-то чудной властью,—хоть гречанка—
И потому природный врагъ царей,
Хоть плѣнница—и ненавижу цѣпи,
Юнянка—и страстью къ иноземцу
Унижена страшнѣй самихъ цѣпей!
Но я тебя любила.—Если-жь эта
Любовь была способна побѣдить
И самую природу, неужель
Спасти тебя въ ея права не входитъ?

САРДАНАПАЛЪ.

Спасти меня! Ты такъ прекрасна; я
Ищу въ тебѣ любви, а не спасенья.

МИРРА.

Ужель есть безопасность безъ любви?

САРДАНАПАЛЪ.

Я говорю про женскую любовь.

МИРРА.

Грудь женщины поить васъ первой жизнью;
Свой первый лепетъ узнаете вы
Изъ устъ ея.—Кто осушаетъ слезы
Вамъ первыя?—Кто принимаетъ вздохъ
Послѣдній вашъ,— послѣдній вздохъ, который
Всѣхъ обращаетъ въ бѣгство, хоть бы съ нимъ
Кончался полубогъ какой?

САРДАНАПАЛЪ.

Гречанка

Моя краснорѣчивая! тебя
Я слушаю какъ музыку, тотъ хоръ
Трагическій, который составляетъ
Любимую забаву для твоей
Родной страны, какъ ты мнѣ говорила.—
Не плачь же, успокойся.

МИРРА.

Я не плачу,

Но я молю тебя—не говори
Ни о моихъ отцахъ, ни ихъ отчизнѣ.

Сарданапалъ.

Но ты такъ часто говоришь объ нихъ.

Мирра.

То правда, правда: думы неотступной
Я не могу не выражать въ словахъ.

Но ежели другіе говорятъ
О Греціи, мнѣ больно.

Сарданапалъ.

Хорошо;

Такъ какъ же ты спасти меня хотѣла?

Мирра.

Внушивъ тебѣ желаніе спасти
И самого себя и эти царства
Отъ ужасовъ опаснѣйшей изъ войнъ,
Войны межъ братьями.

Сарданапалъ.

Къ чему, дитя?

Да я и такъ и воиновъ и войны,
Какъ язву, презираю; я живу
Средь мирныхъ благъ и въ мирѣ: что еще,
Какъ человѣкъ, могу я?

Мирра.

Государь!

Чтобъ сохранить благодѣянья мира,
Не рѣдко видъ войны необходимъ;
И для царей порой бываетъ лучше
Внушать боязнь, чѣмъ заставлять любить.

Сарданапалъ.

Изъ двухъ всегда послѣдняго искалъ я.

Мирра.

И вотъ ни одного нѣтъ за тобой.

Сарданапалъ.

И это ты мнѣ, Мирра, говоришь?

Мирра.

Я говорю лишь о любви народной,
Гражданской, той, когда законъ и страхъ
Народомъ управляютъ, такъ что онъ,
Бывъ содержимъ въ границахъ, между тѣмъ
Не чувствуетъ и гнета, иль порою
И чувствуетъ, но видитъ въ немъ оплотъ
Отъ худшаго, послѣдняго изъ гнетовъ —
Отъ тиранніи собственныхъ страстей.
Царь праздниковъ, любви, цвѣтовъ, веселья
Не можетъ никогда царемъ быть славы.

Сарданапалъ.

Что это значитъ — слава?

МИРРА.

У боговъ —

Отцовъ своихъ спроси.

САРДАНАПАЛЪ.

Они не скажутъ ;

Да и жрецы намъ говорятъ за нихъ
Изъ кой-какихъ лишь приращеній къ храму.

МИРРА.

Такъ загляни хоть въ лѣтописи царства
И первыхъ основателей его.

САРДАНАПАЛЪ.

Все не могу; они такъ страшно кровью
Запачканы. И для чего? вѣдь царство
Основано. — Нельзя же безконечно
Мнѣ умножать владѣнья.

МИРРА.

Сохрани

Хотя свои.

САРДАНАПАЛЪ.

Я ими насладиться

Хочу по крайней мерѣ. Мирра, чтожь
Намъ время на Евфратъ; уже галера
Причалена; зоветь условный часъ;
Лишь павильонъ, украшенный для пира
Вечерняго, заблещетъ красотой
И заревомъ, чтобы звѣздамъ небеснымъ,
Представиться отвѣтною звѣздой,
Мы будемъ возлежать тамъ съ головами
Вѣнчанными какъ—

МИРРА.

Жертвы.

САРДАНАПАЛЪ.

Нѣтъ, — цари; —

Какъ будто бы тѣ пастыри — цари
Временъ патриархальныхъ, что не знали
Каменьевъ ослѣпительнѣй цвѣтовъ,
Что на своихъ триумфахъ не видали
Ни слезъ, ни крови.

(Входитъ Панія.)

ПАНІЯ.

Царь, живи во вѣки.

САРДАНАПАЛЪ.

Пока люблю, и болѣе ни часу.
И знай притомъ, что и языкъ подобный,
Что дѣлаетъ изъ жизни ложь, и грязи

Льстятъ вѣчностью, — я тоже ненавижу.
Чтожь, Паниа? — Будь кратокъ.

Паниа.

Салимень .

Мнѣ поручилъ мольбы его удвоить
Передъ царемъ, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ
На эту ночь дворца не покидалъ.
Когда онъ самъ вернется, онъ монарху
Представитъ все, что можетъ оправдать
Его предупрежденья, и, быть можетъ,
Прощеніе за смѣлость заслужить.

Сарданапалъ.

Ужели я въ осадѣ ужь? въ плѣну?
Я не могу вздохнуть, взглянуть на небо?
Скажижь ты Салимену: еслибъ вся
Вкругъ этихъ стѣнъ кипѣла Ассирія
Мирьядами сбѣсившихся рабовъ,
Я и тогдабъ не побоялся выйти.

Паниа.

Я принужденъ повиноваться; только...

Мирра.

Властитель, вразумись! — какъ много дней
И мѣсяцевъ средь этихъ стѣнъ дворцовыхъ
Ты проводилъ въ безпечномъ забытїи,
Очей толпы не радуя собою.
Ты не казалъ лица — межъ тѣмъ какъ вопли
Народа раздавались, беззаконья
Сатраповъ вопїали, оставались
Безъ поклоненья боги, безначалье
Повсюду воцарялось, сонъ могильный
Все обнималъ собою, кромѣ зла! —
Чтожь значитъ день, единый день, могущій
Быть можетъ искупить тебя? — Ужель
Столь вѣрнымъ — столь немногимъ — столь немного
Ты уступить не можешь ни для нихъ,
Ни для себя, ни для потомства славныхъ
Твоихъ отцовъ, ни для наслѣдья малыхъ
Твоихъ дѣтей?

Паниа.

Царь! это справедливо.

Заботливость, съ которой князь отправилъ
Меня—раба къ тебѣ, мой повелитель,
Велитъ и мнѣ возвысить голосъ слабый,
Чтобъ повторить — что слышалъ ты сейчасъ.

Сарданапалъ.

Нѣтъ, — этого не будетъ!

МИРРА.

Заклинаю

Тебя твоимъ престоломъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Прочь!

Панія.

Во имя

Тѣхъ подданныхъ, которыхъ собираетъ
Вокругъ тебя ихъ вѣрность.

САРДАНАПАЛЪ.

Это бредни:

Опасности и не было и нѣтъ;
Весь этотъ планъ устроенъ Салименомъ,
Чтобъ доказать его преданность къ намъ
И показать яснѣй необходимость.

МИРРА.

Во имя всякой славы и добра!
Прими благой совѣтъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Дѣла — до утра.

МИРРА.

А если смерть въ ночи?

САРДАНАПАЛЪ.

Такъ чтожь? — пускай...

О пусть ее — придетъ она неожиданной
Среди утѣхъ, забавъ, любви, веселья;
Пусть я паду, какъ сорванная роза, —
И лучше такъ, чѣмъ увядать!

МИРРА.

Такъ ты

Ни ради всѣхъ упорныхъ настояній,
Когда-либо отъ лѣни пробуждавшихъ
Бездѣйственныхъ монарховъ, отложить
Не хочешь этотъ праздникъ?

САРДАНАПАЛЪ.

Нѣтъ.

МИРРА.

Такъ ради

Моихъ хоть настояній, — для меня.

САРДАНАПАЛЪ.

Тебя, — мое дитя?

МИРРА.

И это первый

Мнѣ будетъ даръ, какого лишь просила
Я у тебя, владыка ассирійскій.

Сарданапалъ.

Да, это такъ; — будь это даже царство, —
Я подарить обязанъ. Для тебя
Я уступлю. Прочь, Панія. Ты слышишь.

Панія.

И повинуюсь.

(Панія уходитъ.)

Сарданапалъ.

Мирра, я тобою

Такъ удивленъ. Быть столько неотступной;
Что этому причиной?

Мирра.

Безопасность

Особы государя; убѣжденье,
Что ни за что просить бы у тебя
Столь многого твой князь не согласился,
Когда-бъ не велика была опасность.

Сарданапалъ.

Я не боюсь, — зачѣмъ же ты боишься?

Мирра.

Я не сама, я за тебя боюсь.

Сарданапалъ.

Ты завтра же надъ этою боязнью
Лишь будешь улыбаться.

Мирра.

Или буду,

Быть можетъ, тамъ, гдѣ ни о чемъ не плачутъ, —
И здѣсь не улыбаться мнѣ; — тѣмъ лучше...
А ты?

Сарданапалъ.

Я быть могу царемъ лишь.

Мирра.

Гдѣ?

Сарданапалъ.

Тамъ, гдѣ Вааль, Немродъ, Семирамида;
Коль въ этой Ассиріи, — такъ одинъ,
Коль внѣ ея, такъ съ ними: мнѣ судьбою
Назначено, чтобъ я былъ тѣмъ, что есть;
Ей стоитъ захотѣть и я не буду
Совсѣмъ ничѣмъ; но долженъ ли остаться
Я чѣмъ-нибудь, иль сдѣлаться ничѣмъ,
Униженнымъ я жить не захочу.

Мирра.

Когда-бъ ты такъ лишь чувствовалъ всегда,
Кто-бъ смѣлъ тебя когда-нибудь унижить?

САРДАНАПАЛЪ.

А ктожь теперь намѣренъ это сдѣлать?

МИРРА.

Ты никого подозрѣвать не хочешь?

САРДАНАПАЛЪ.

Подозрѣвать? — на это есть шпіоны.

Но стоятъ ли подобныя слова

О мелочи подобной тѣхъ мгновений,

Которыя мы тратимъ! — Кто тутъ есть?

Рабы! — вечерній пиръ устроить намъ

Въ Немвродовой палатѣ: коль дворецъ

Мнѣ долженъ быть темницей, такъ оковы

Свои носить мы весело хотимъ.

Пусть берега прекрасныя Евфрата,

Пусть лѣтній нашъ евфратскій павильонъ

Для насъ запрещены, — мы безопасны

Покуда здѣсь. Гей! кто тутъ есть? — рабы!

(Сарданапалъ уходитъ.)

МИРРА *(одна)*.

Зачѣмъ такъ милъ мнѣ этотъ человекъ?

Вѣдь дочери моей отчизны любятъ

Героевъ лишь. Но гдѣ моя отчизна?

Все для рабы утрачено, — лишь цѣпи

Остались ей. Но я его люблю, —

Хоть нѣтъ цѣпей столь тягостныхъ, какъ эта

Любовь безъ уваженья! — Но пускай...

Часъ настаетъ, когда-бъ найти онъ радъ былъ

Любовь во всѣхъ и не найдетъ ни въ комъ.

Теперь его оставить было бъ ниже,

Чѣмъ сколько быть возвышеннымъ могло

Въ глазахъ моей отчизны — поразить

Его въ величьи и на тронѣ. Я

Ни для чего не создана такого.

Ахъ, еслибъ я спасла его, — быть можетъ,

Я и себя могла бы уважать...

Я такъ нуждаюсь въ этомъ; я такъ пала

И въ собственныхъ ужь мысляхъ, полюбивъ

Такого иноземца... Между тѣмъ

Мнѣ кажется, что я еще нѣжнѣе

Его люблю, наперекоръ тому,

Что варвары, враги моей отчизны,

Его такъ ненавидятъ... О, когда-бъ

Въ его груди я пробудить могла лишь

Хотя одну изъ тѣхъ высокихъ думъ,

Что вдохновляли даже и Фригійцевъ,

Сражавшихся у иліонскихъ стѣнъ! —

Онъ варваровъ смирилъ бы; онъ бы въ землю
 Втопталъ всѣ эти шайки!—Онъ меня
 Свою рабу такъ любить, и раба
 Такъ любить господина, что его
 Освободить желаетъ... отъ порока.
 Не то, другой—я знаю путь къ свободѣ:
 Коль быть царемъ его не научу я,
 Я покажу,—какъ царь покинуть тронъ
 Единственно лишь можетъ.—Но его
 Я не должна терять теперь изъ виду.

(Уходитъ.)

АКТЪ ВТОРЫЙ.

С Ц Е Н А I.

Преддверіе той-же палаты.

Белезисъ, (одинъ).

Ужь гаснетъ день, но солнце закатится
 Какъ будто бы не хочетъ, взглядъ прощальный
 Кидая Ассирію.—Какъ оно,
 Багровѣя межъ облаковъ печальныхъ,
 На эту кровь похоже, о которой
 Оно же предвѣщаетъ.—О когда,—
 Ты солнце заходящее, вы звѣзды
 Изъ-за него встающія!—когда
 Я наблюдалъ за вами не напрасно,
 Лучъ за лучомъ читая приговоры
 Небесныхъ вашихъ тѣлъ,—межъ тѣмъ какъ время
 Безстрастное дрожало, что народамъ
 Такъ много бѣдъ несло,—то Ассирія
 Послѣдній доживаетъ часъ!—Какая
 Однако тишина!—Землетрясенье
 Должно бѣ стонать передъ такимъ паденьемъ,—
 И что жь?—о немъ намъ предвѣщаетъ солнце
 Вечернее. Халдей и звѣздочетъ
 На этотъ дискъ глядитъ, какъ на страницу
 Безсмертную и видитъ въ ней конецъ
 Тому, что намъ—казалось безконечнымъ.

Но солнце, истинное солнце!—ты
 Пылающій оракулъ, ты великій,
 Всемирный прорицатель, всякой жизни
 Тайственный посредникъ—и символъ
 Того, кто жизнь даетъ!—Увы! доколь
 Предѣлъ ты не положишь откровеньямъ
 Однихъ лишь золь?—Зачѣмъ не предсказать бы
 Дней болѣе достойныхъ твоего
 Изъ-за морей всеславнаго восхода?
 Зачѣмъ лучомъ надежды не блеснуть,
 Хоть временамъ грядущимъ, если къ нашимъ
 Печальнымъ днямъ твой гнѣвъ неумолимъ?
 Услышь, услышь меня!—я жрецъ твой,
 Поклонникъ твой, служитель; на тебя
 Любилъ глядѣть я при твоёмъ восходѣ
 И при твоёмъ закатѣ, поникалъ
 Я головой передъ тобой въ полудни,
 Когда мой взоръ не выносилъ тебя;
 Я ждалъ тебя, встрѣчалъ тебя; молился,
 Служилъ тебѣ, я чтилъ тебя, боялся,
 Гадалъ и вопрошалъ тебя—и ты
 Мнѣ отвѣчало,—впрочемъ... столькожъ.—Но
 Межь тѣмъ, какъ я зывалъ къ нему о знаньи,
 Оно совсѣмъ зашло уже, покинувъ
 Намъ за собой свою лишь красоту—
 И славой умирающей своею
 Возвеселивъ и разрумянивъ западъ.
 Что-жь значить смерть, чтобъ быть столь величавой?
 Простой закатъ; но смертные за счастье
 Должны считать, что на боговъ похожи
 Они въ одной лишь смерти... *

(Входитъ Арбакъ).

АРБАКЪ.

Белезисъ,—

Чѣмъ глубоко такъ занятъ? Неужель
 Ты хочешь вслѣдъ исчезнувшему Богу
 Проникнуть въ даль невѣдомаго дня?
 Мы дѣло лишь имѣемъ съ ночью; ночь
 И проникнуть въ
 Мы дѣло лишь

Белезисъ.

Но не прошла.

* Боги всевѣдущи: знаніе, по Байрону, есть величайшее зло; по-
 му что съ одной стороны разоблачаетъ пустоту и безцѣльность
 его существующаго, а съ другой даетъ предвидѣть такія вещи,
 торыхъ пугается само время. Эта именно мысль скрывается и
 ть.

АРБАКЪ.

Пускай свой саванъ
Она распростираетъ, — мы готовы.

БЕЛЕЗИСЪ.

О еслибы она ужь миновала!

АРБАКЪ.

Ужель пророкъ въ побѣдѣ не увѣренъ,
Когда ее предвозвѣщаютъ звѣзды?

БЕЛЕЗИСЪ.

Я не на счетъ побѣды сомнѣваюсь,
А побѣдителя...

АРБАКЪ.

Пускай наука
Твоя о немъ гадаетъ;—между тѣмъ
Я столько приготовилъ свѣтлыхъ копій,
Что блескъ планетъ—союзниковъ твоихъ
Померкнетъ передъ ними. Чтò насъ можетъ
Остановить?—Дѣвичій этотъ царь
Въ сей самый часъ—быть долженъ на Евфратѣ
Въ кругу своихъ наперсницъ и подругъ.
Объ этомъ былъ приказъ. Но я клянусь,
Что первая имъ выпитая чаша
Для племени Немврода навсегда
Останется послѣдней.

БЕЛЕЗИСЪ.

Это племя

Такъ было знаменито!

АРБАКЪ.

Какъ безславно—
Оно теперь; оно ужь износилось,
Такъ мы его исправимъ.

БЕЛЕЗИСЪ.

Ты увѣренъ?

АРБАКЪ.

Его родоначальникъ былъ ловець,
А я солдатъ—чегоже тутъ бояться?

БЕЛЕЗИСЪ.

Солдатъ...

АРБАКЪ.

Быть можетъ и жрецовъ; но если
Ты и всегда такъ думалъ, такъ зачѣмъ
Царя не воздержать бы отъ наложницъ?
Зачѣмъ вооружать меня? Зачѣмъ
Задумывать подобный планъ, который
Скорѣй тебѣ принадлежитъ, чѣмъ мнѣ.

БЕЛЕЗИСЪ.

Взгляни на небеса.

АРБАКЪ.

Гляжу.

БЕЛЕЗИСЪ.

Что видишь?

АРБАКЪ.

Простой вечерній свѣтъ и хороводы
Небесныхъ звѣздъ.

БЕЛЕЗИСЪ.

Замѣть межъ нихъ одну,
Ту вставшую всѣхъ раньше и свѣтлѣе,
Дрожащую, какъ будто потонуть
Ей хочется въ эфиръ.

АРБАКЪ.

Чтожь отселѣ?

БЕЛЕЗИСЪ.

Она звѣзда судьбы твоей, твой рокъ.

АРБАКЪ, (*хватаясь за ножны*).

Моя звѣзда—вотъ здѣсь, въ моихъ ножнахъ.
Когда она заблещетъ, всѣ кометы
Лишь искрами покажутся; такъ лучше
Подумаемъ, какъ повести намъ дѣло,
Чтобъ оправдать и самыя планеты
И всѣ ихъ прорицанья. Если мы
Одержимъ верхъ, соорудимъ имъ храмы,
Дадимъ жрецовъ; ты будь архіереемъ
Боговъ—какихъ захочешь только самъ.
Я замѣчалъ, что боги справедливы
Почти всегда и признаютъ храбрѣйшихъ
За самыхъ богомольныхъ безъ труда.

БЕЛЕЗИСЪ.

И самыхъ богомольныхъ за храбрѣйшихъ.
Ты не видалъ меня бѣгущимъ съ поля.

АРБАКЪ.

О нѣтъ, въ тебѣ достоинъ уваженья
На столько же искусный жрецъ халдейскій,
Какъ и отважный вавилонскій вождь:
Теперь одно: ты долженъ согласиться
Забуть жреца, чтобъ воиномъ остаться.

БЕЛЕЗИСЪ.

Зачѣмъ не быть обоими?

АРБАКЪ.

Тѣмъ лучше.

Однако я стыжусь почти—какъ мало
Намъ совершить придется. Побѣдитель

Лишь можетъ ждать безславья отъ такой
 Войны женоподобной. Пошатнуть
 Кровавый тронъ подъ деспотомъ угрюмымъ,
 Стащить его съ престола, съ нимъ обняться,
 Перекреститься сталью, тутъ равно
 Возвышенно—и пасть и побѣдить.
 Но мечъ поднять на этого червя,
 Быть можетъ, слышать пискъ его.

БЕЛЕЗИСЬ.

О, нѣтъ;

Въ немъ есть черты, которыя тебя
 Заставятъ состязаться съ нимъ; но пусть
 Онъ будетъ тѣмъ, чѣмъ хочешь ты, такъ въ стражѣ
 Бойцовъ ты встрѣтишь добрыхъ; въ ихъ челѣ
 Стоитъ холодный, строгій Салимень.

АРБАКЪ.

Мы ихъ сомнемъ.

БЕЛЕЗИСЬ.

Какъ знать? они солдаты.

АРБАКЪ.

Поэтому солдатъ бы долженъ быть
 Надъ ними и вождемъ.

БЕЛЕЗИСЬ.

Но Салимень

Таковъ и есть.

АРБАКЪ.

Но не таковъ ихъ царь.

И самый Салимень хотъ управляетъ
 Созданьемъ этимъ жалкимъ, тѣмъ не меньше
 Его онъ ненавидитъ за сестру.
 Замѣть, какъ онъ жаждетъ быть далекимъ
 Отъ всѣхъ пировъ?

БЕЛЕЗИСЬ.

За то не отъ совѣта;

Онъ тамъ всегда изъ первыхъ.

АРБАКЪ.

Такъ; и вѣчно

Тамъ слышитъ прекословье. И чего
 Не достаешь, чтобъ обратить его
 Въ бунтовщики?—Престолъ покрытъ позоромъ,
 Онъ самъ въ пренебреженьи, кровь его
 Поругана; да мы ведемъ все дѣло
 Какъ бы за тѣмъ, чтобъ онъ былъ отомщенъ.

БЕЛЕЗИСЬ.

Но такъ ли онъ глядитъ на это самъ.

АРБАКЪ.

Что еслибъ испытать его?

БЕЛЕЗИСЪ.

Да, да,

Лишь случай бы позволилъ намъ.

(Входитъ Балеа).

БАЛЕА.

Сатрапы!

Царь въ эту ночь желаетъ васъ обоихъ

Увидѣть на пиру.

БЕЛЕЗИСЪ.

Повиноваться

Нашъ долгъ. На берегахъ Евфрата?

БАЛЕА.

Нѣтъ;

Здѣсь, во дворцѣ.

АРБАКЪ.

Какъ! во дворцѣ? Приказъ

Былъ не такой.

БАЛЕА.

Теперь онъ этотъ самый.

АРБАКЪ.

Но почему?

БАЛЕА.

Мнѣ не извѣстно;—я

Могу идти?

АРБАКЪ.

Постой.

БЕЛЕЗИСЪ *(Арбаку, тихо).*

Пускай его

Идетъ своей дорогой.

(Къ Балеа).

Балеа,

Благодари монарха, поцалуй

Полу его одежды, передай,

Что мы принять готовы будемъ крохи,

Что упадутъ съ его трапезы царской.

А часъ назначенный, вѣдь полночь?

БАЛЕА.

Да;

Въ немвродовой палатѣ. Я склоняюсь

Предъ вами, властелины, и иду.

(Уходитъ).

АРБАКЪ.

Я этой переменной недоволенъ;

*

Тутъ что нибудь скрывается. Зачѣмъ
Перемѣнить вдругъ мѣсто!

Белезисъ.

Развѣ онъ

Не каждый день мѣняется такъ точно,
Безъ видимой причины. Ничего
Не можетъ быть причудливѣе лѣни;
Ея скачки предугадать труднѣй,
Чѣмъ планъ вождя, когда въ своихъ движеняхъ
Онъ обмануть старается врага.
О чемъ ты размышляешь?

Арбакъ.

Онъ любилъ

Свой павильонъ веселый; это лѣтній
Его дворецъ любимый.

Белезисъ.

Онъ царицу

Свою любилъ и тысячи развратницъ
Кромѣ нея; любя разнообразье,
Онъ все любилъ на свѣтѣ, исключая
Лишь мудрости и славы.

Арбакъ.

Не могу

Я съ этимъ примириться; онъ свой планъ
Перемѣнилъ; ужели оставаться
Мы будемъ при своемъ? Взять эту башню
Пустынную, сонливый караулъ
И пьяныхъ царедворцевъ разогнать —
Все такъ не трудно, но въ палатѣ
Немвродовой —

Белезисъ.

И это такъ? давно ли

Ты, какъ герой, стыдился одного —
Взойти на тронъ, какъ на скамью простую?
Ужель одна, двѣ лишнія ступени,
Чѣмъ ты считалъ, тебя такъ напугали?

Арбакъ.

Когда наступитъ часъ, то ты увидишь
Боюсь ли я; ты жизнь мою на ставкѣ
Видалъ не разъ: я весело игралъ;
Но тутъ не жизнь, тутъ болѣе, тутъ царство.

Белезисъ.

И я его тебѣ ужь предсказалъ.
Впередъ!—и будешь царь.

АРБАКЪ.

О будь я прорицатель—
Я бь самъ себѣ не меньше предсказалъ!
Пусть звѣзды оправдаются—я съ ними,
Ни съ ихъ пророкомъ—спорить не могу.
Кто тамъ?

(Входитъ Салимень).

САЛИМЕНЬ.

Сатрапы!

БЕЛЕЗИСЬ.

Князь!

САЛИМЕНЬ.

Какъ это кстати!

Я васъ искалъ обоихъ, но не здѣсь,
Не во дворцѣ.

АРБАКЪ.

Зачѣмъ же нѣтъ?

САЛИМЕНЬ.

Да часъ

Не наступилъ.

АРБАКЪ.

Какъ часъ? какой же часъ?

САЛИМЕНЬ.

Полночи.

БЕЛЕЗИСЬ.

Князь! полночи?..

САЛИМЕНЬ.

Вы навѣрно

Приглашены?

БЕЛЕЗИСЬ.

О да, но мы забыли.

САЛИМЕНЬ.

О царскомъ приглашеньи?

АРБАКЪ.

Нѣтъ; но намъ

Сейчасъ о немъ сказали.

САЛИМЕНЬ.

Если такъ,

Зачѣмъ вы здѣсь?

АРБАКЪ.

По долгу.

САЛИМЕНЬ.

По какому?

БЕЛЕЗИСЬ.

По долгу нашихъ мѣстъ; намъ право входа

Къ монарху предоставлено; но мы
Его здѣсь не находимъ—вотъ и все.

Салимень.

Я такъ же здѣсь по долгу.

Арбакъ.

Намъ позволять

Узнать его подробнѣй?

Салимень:

Взять двоихъ

Измѣнниковъ подъ стражу. Стража! гей!

(*Входитъ стража*).

Мечи свои, сатрапы.

Белезисъ, (*отвязавъ свой мечъ*).

Князь! вотъ мой.

Арбакъ, (*обнаживъ мечъ*).

Вотъ мой—прими!

Салимень.

Приму.

Арбакъ.

Одинъ клинокъ,—

Но въ сердце,—не иначе; съ рукоятью
Живой я не разстанусь.

Салимень.

Какъ! со мною —

Ты вздумалъ храбровать? Такъ ты избавленъ
Отъ фальши при допросахъ и отъ пытки—
Солдаты! вотъ вамъ бунтовщикъ; казните.

Арбакъ.

Солдаты, да. *Одинъ* ты не посмѣлъ бы.

Салимень.

Хвастливый рабъ! да что жъ въ тебѣ такого,
Предъ чѣмъ бы князь былъ долженъ отступить?
Не силой ты опасенъ намъ, измѣной.
Какой ты левъ? Когда бъ не ядъ змѣнный
Въ твоихъ зубахъ—они ничто. Разите!

Белезисъ.

Арбакъ! ты помѣшался—развѣ я
Противился отдать ему свой мечъ?
Довѣрся правосудію царя.

Арбакъ.

Нѣтъ, я скорѣй—довѣрюсь ужъ звѣздамъ
И этой свѣтлой стали;—умирать,
Такъ умирать царемъ... по крайней мѣрѣ
Дыханія и тѣла своего:

Чужая цѣпь ихъ тяготить не будетъ.

Салимень, *(къ стражъ)*.

Вы слышали обоихъ насъ.—Возьмите,—
Не то убейте тутъ.

*(Стража нападаетъ на Арбака, который защищается
столь храбро и искусно, что приводитъ ее въ замѣшатель-
ство).*

Салимень.

Чтожь это значить?—

Ужель я самъ быть долженъ палачомъ?
Бездѣльники! вотъ какъ должно солдату
Наказывать измѣну.

*(Салимень нападаетъ на Арбака.—Входитъ Сардана-
палъ со свитою).*

Сарданапалъ.

Стойте! стойте!

Подъ страхомъ вашей жизни. Какъ,—вы глухи?
Пьяны?—Мой мечъ!—Безумецъ,—я забылъ,
Что не ношу меча;—сюда пріятель,—
Подай мнѣ твой палащъ.

*(Сарданапалъ вырываетъ оружіе у одного изъ стражи;
становится между сражающимися).*

Сарданапалъ.

Что мнѣ теперь мѣшаетъ васъ обоихъ
Тутъ заколотъ, какъ дерзкихъ крикуновъ?

Белезисъ.

Монархъ! будь правосуденъ.

Салимень.

Иль будь слабъ.

Сарданапалъ, *(поднимая мечъ)*.

Еще!

Салимень.

Рази!—лишь не забудь потомъ
Измѣнника,—котораго для пытки
Ты, вѣрно, пощадишь теперь на время.
Рази!—и я доволенъ.

Сарданапалъ.

Какъ, его?

Кто смѣетъ обвинять Арбака?

Салимень.

Я.

Сарданапалъ.

Ужели?—Князь,—ты позабылся. Кто
Тебѣ далъ право?

Салимень, *(показывая перстень)*.

Ты.

АРБАКЪ, *(въ смущеніи)*.

Онъ въ царскомъ перстнѣ.

САЛИМЕНЪ.

Да! это подтвердитъ самъ царь.

САРДАНАПАЛЪ.

Но я

Ввѣрялъ его тебѣ не съ этой цѣлью.

САЛИМЕНЪ.

Ты съ нимъ ввѣрялъ свою мнѣ безопасность,—

Я сдѣлалъ все, что находилъ полезнымъ.

Будь самъ теперь судьбою: я твой рабъ,

Но мигъ назадъ—я былъ твой представитель.

САРДАНАПАЛЪ.

Сперва—мечи въ ножны.

(Арбакъ и Салименъ повинуются).

САЛИМЕНЪ.

Я свой вложилъ:

Молю тебя—ты не влагай лишь свой;

Онъ скипетръ твой единственный теперь.

САРДАНАПАЛЪ.

Тяжелый скипетръ; притомъ онъ рукояткой

Мнѣ руку оцарапалъ.

(Къ солдату).

Другъ,—возьми

Назадъ твое оружье.—Ну,—вельможи,

Чтожь это означаетъ?

БЕЛЕЗИСЪ.

Князь одинъ

Тебѣ отвѣтъ дать долженъ.

САЛИМЕНЪ.

Правоту

Со стороны моей, измѣну съ ихъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Арбакъ—измѣнникъ! Белезисъ—предатель!

Я этому союзу не повѣрю.

БЕЛЕЗИСЪ.

Гдѣ доказательства?

САЛИМЕНЪ.

Я укажу ихъ,—

Пускай лишь царь у твоего собрата—

Измѣнника потребуетъ меча.

АРБАКЪ.

Меча, который наравнѣ съ твоимъ

Я поднималъ противъ его враговъ.

Салимень.

И поднялъ противъ брата; черезъ часъ
Противъ него поднимешь самого.

Сарданапалъ.

Нѣтъ, это невозможно; онъ не смѣетъ;
Я не хочу и слушать. При дворахъ
Причиною подобныхъ ссоръ бываютъ
Всегда льстецы, продажные шпионы,
Которыхъ жизнь лишь въ томъ и состоитъ,
Чтобъ клеветать на жизнь людей почтенныхъ.
Ты, братъ, могъ быть обманутъ.

Салимень.

Но пускай

Онъ сниметъ хоть оружіе свое,
Чтобъ доказать тебѣ свое подданство.
Я отвѣчать берусь за все.

Сарданапалъ.

Будь я

Лишь убѣжденъ;—но это невозможно.
Какъ?—Мидянинъ Арбакъ, столь прямодушный,
Прямой солдатъ,—онъ,—лучшій предводитель
Военныхъ нашихъ силъ,—нѣтъ, нѣтъ!—его
Я такъ не оскорблю;—отнять палашъ—
И у кого? кто имъ разилъ такъ страшно
Монихъ враговъ!—Сатрапъ,—храни свой мечъ.

Салимень, (*снявъ перстень*).

Монархъ, возьми назадъ свой перстень.

Сарданапалъ.

Нѣтъ,

Оставь его, лишь помни снисхожденье.

Салимень.

Я бралъ его для сохраненья чести
Твоей, мой царь; но такъ-какъ черезъ это
Оскорблена моя,—возьми его,
Или отдай Арбаку.

Сарданапалъ.

Я бы отдалъ,

Когда-бъ онъ сталъ просить.

Салимень.

О, будь увѣренъ,

Безъ этого ничтожнаго обряда
Имѣть его онъ будетъ.

Белезисъ.

Я не знаю—

Что князя такъ могло предубѣдить

Противъ двухъ подданныхъ, своимъ раченьемъ
О благѣ Ассиріи столь извѣстныхъ.

Салимень.

Молчи, злой жрецъ,—молчи, солдатъ невѣрный!
Въ твоемъ лицѣ всѣ худшіе пороки
Опаснѣйшихъ сословіи на землѣ.

Побереги медовыя слова
И проповѣдь фальшивую для тѣхъ,
Кому ты неизвѣстенъ. Твой собратъ,
По крайней мѣрѣ, смѣль, безъ всякихъ штукъ,
Которымъ ты въ Халдеи научился.

Белезись.

Прислушай-же, властитель, сынъ Ваала!
Онъ говоритъ кощунство противъ вѣры
Твоей страны, творящей поклоненье
Твоимъ отцамъ.

Сарданапалъ.

О, что до этого—
Оставь ему грѣхи его; онъ въ правѣ
Покойниковъ считать за мертвецовъ;
Я чувствую, что смертенъ, и я вѣрю,
Что и отцы столь смертнаго потомка
Лишь то и есть, что видимъ мы: зола.

Белезись.

О царь, не думай такъ; они съ звѣздами—
И между нихъ...

Сарданапалъ.

Не хочешь-ли и ты къ нимъ?
Такъ продолжай!—Вотъ это такъ измѣна.

Салимень.

Мой государь!

Сарданапалъ.

Преподавать мнѣ вѣру—
Чтить идоловъ халдейскихъ!—Ты свободенъ,
Возьми свой мечъ.

Салимень.

Мой царь, мой повелитель,
И напоследокъ братъ мой,—умоляю,—
Остановись.

Сарданапалъ.

Да, да, чтобъ обезумѣть,
Чтобъ до конца дослушать эту сказку
О мертвецахъ, Ваалѣ, о звѣздахъ,
И обо всѣхъ ихъ тайнахъ.

БЕЛЕЗИСЬ.

Царь! Чти звѣзды.

САРДАНАПАЛЬ.

О что до нихъ—я ихъ люблю; люблю
 На тѣсной синевѣ слѣдить за ними;
 Ихъ сравнивать люблю съ очами Мирры,
 Люблю лучей ихъ томное сіянье
 На серебрѣ трепещущей волны
 Зыбучаго Евфрата,—между тѣмъ,
 Какъ вѣтерокъ полночный надъ рѣкою
 Широкою чуть дышетъ и тростникъ,
 Служащій ей каймою, колыхаетъ...
 Но сами ль это боги,—какъ одни
 Намъ говорятъ, жилища-ли боговъ,—
 Какъ говорятъ другіе,—иль простые
 Лишь фонари, міры, или міровъ
 Одно лишь отраженье,—я не знаю
 И знать не беспокоюсь. Есть въ моемъ
 Невѣдѣнны невѣдомая сладость,
 Которой я не отдалъ бы за всю
 Халдейскую премудрость,—и потомъ
 Объ нихъ и обо всемъ, что выше насъ,
 Иль ниже насъ, я знаю все, что знать
 Возможно праху:—ничего. Я вижу
 Ихъ красоту, я чувствую ихъ блескъ;
 Когда они зажгутся надъ моею
 Могилою, я больше *ничего*
 Не буду знать.

БЕЛЕЗИСЬ.

Скажи скорѣе: *все*.

САРДАНАПАЛЬ.

Я буду ждать и этого всезнанья,
 Когда того первосвященникъ захочетъ.
 А между тѣмъ возьми свой мечъ и знай,
 Что я въ тебѣ всегда первосвященству
 Предпочиталъ солдатство, хотъ обоихъ
 Я не люблю.

САЛИМЕНЪ, (*тихо*).

Увы! онъ обезумѣлъ

Почти совсѣмъ. Но я его спасу
 На-перекорь ему.

САРДАНАПАЛЬ.

Такъ вотъ,—сатрапы,—
 Что я теперь скажу вамъ,—и всѣхъ прежде
 Тебѣ, мой жрецъ,—тебѣ я довѣряю
 Не столько какъ солдату, и совсѣмъ

Не въриль бы, не будь на половину
 Ты воиномъ: мы расстаемся въ мирѣ;
 Я говорить не буду о прощеньи;
 Его даютъ виновнымъ; таковыми
 Я васъ не признаю; хоть ваша жизнь
 Одно мое дыханье,—особливо
 Будь я доступенъ страху,—но не бойтесь:
 Я столько-же безстрашенъ, какъ не страшенъ—
 А потому живите.—Будь я тѣмъ,—
 Хотя отчасти,—чѣмъ меня считаютъ,
 Такъ съ высоты воротныхъ перекладинъ
 Вотъ этого дворца послѣдней кровью
 Теперь бы ваши головы сочлись
 Въ сухую пыль—единственную долю
 Вскружившаго ихъ царства, надъ которой
 Имъ царствовать пришлось бы—но теперь
 Мы этого избѣгнемъ. Я сказалъ,
 Что не хочу считать васъ за виновныхъ,
 А осудить невинныхъ не могу.
 А между тѣмъ есть люди много лучше,
 Чѣмъ вы и я,—что обвиняютъ васъ;
 И еслибъ я довѣрилъ вашу участь
 Судьямъ побольше строгимъ и различнымъ
 Родамъ уликъ,—я-бъ могъ отдать на жертву
 Двухъ человѣкъ, которые когда-то,—
 Хоть что ни говорятъ о нихъ теперь,—
 Мнѣ честными казались. Вы свободны.

АРБАКЪ.

Великій! эта милость—

Белезисъ, *(прерывая его)*.

Такъ достойна

Тебя—и мы, хотя вполнѣ невинны,
 Благодаримъ—

САРДАНАПАЛЬ.

Халдей! побереги

Свои благодаренья для Ваала
 И пощади отъ нихъ его потомка.

Белезисъ.

Но будучи невинны—

САРДАНАПАЛЬ.

Будьте нѣмы.—

Преступность громогласна.—Вы невинны,—
 Такъ вы обиженные люди; къ вамъ
 Скорѣй идетъ—печаль, чѣмъ благодарность.

Белезисъ.

Такъ, государь, когда-бы правосудье

Земнаго всемогущества всегда
Лишь было безупречно; но какъ часто
Свои права невинность почитать
Должна за снисхожденье.

Сарданапалъ.

Изреченье

Разумное; и ты бы могъ съ успѣхомъ,
При случаѣ, имъ проповѣдь украсить.
Пожалуста, не позабудь о немъ,
Когда тебѣ отстаивать придется
Мои дѣла передъ моимъ народомъ.

Белезись.

Я, государь, надѣюсь—нѣтъ причины.

Сарданапалъ.

Причины нѣтъ; быть можетъ;—но какъ много
Искателей причинъ: когда съ такими
Ты встрѣтишься—хоть вслѣдствіе своихъ
Служебныхъ отправленій—на землѣ,
Иль въ небесахъ прочтешь о томъ—въ мерцаньи
Какой-нибудь таинственной звѣзды,
Прошу тебя—не позабудь замѣтить,
Что межъ землей и небомъ есть созданья
Зловреднѣе, чѣмъ тотъ, кто управляетъ
Миллионами и никого не губить;
Кто самого себя не презирая,
Довольно любить ближнихъ, чтобъ щадить
И даже тѣхъ, въ комъ самъ едва-ль пощаду
Найти бы могъ... лишь будь они на тронѣ.—
Но это такъ сомнительно.—Сатрапы!
Мечи и ваши личности свободны,
Располагайте ими; но—отселѣ—
Чтобъ намъ ужъ не встрѣчаться. Салименъ!
Иди за мною. (*Сарданапалъ, Салименъ и свита
уходятъ, оставляя Арбака и Белезиса*).

АРБАКЪ.

Белезись!

Белезись.

Ну—что

Теперь ты думаешь?

АРБАКЪ.

Что мы погибли.

Белезись.

Мы выиграли царство.

АРБАКЪ.

Какъ? при этомъ

Столь сильномъ падозрѣньи и когда

Надъ нами мечъ виситъ на волоскѣ,
Гроза упасть отъ гнѣвнаго дыханья
Того, кто пощадилъ насъ—почему—
Лишь знаетъ онъ.

БЕЛЕЗИСЪ.

Что нужды—почему;—
Мы не должны терять напрасно время.
Часъ этотъ нашъ—и наши средства тѣже—
И таже ночь.—Ничто не измѣнилось,
Кромѣ того, что эти подозрѣнья,
Столь гласныя, должны насъ убѣдить,
Что медленность была бъ теперь безумствомъ.

АРБАКЪ.

Однако—

БЕЛЕЗИСЪ.

Какъ?—ты все не убѣжденъ?

АРБАКЪ.

Онъ пощадилъ,—нѣтъ болѣе,—онъ спасъ
Обоихъ насъ отъ Салимена.

БЕЛЕЗИСЪ.

Но

Надолго ли? пока лишь онъ напьется.

АРБАКЪ.

Скорѣй—пока проспится.—Но онъ далъ
Намъ жизнь такъ благородно, какъ ее
Утратить бы мы стоили безславно.

БЕЛЕЗИСЪ.

Скажи скорѣе славно.

АРБАКЪ.

Можетъ быть.

Но онъ меня такъ тронулъ; я рѣшился—
Что бъ ни было со мною—все оставить.

БЕЛЕЗИСЪ.

Но ты теряешь міръ—

АРБАКЪ.

Чтобъ сохранить
Права на уваженіе къ себѣ.

БЕЛЕЗИСЪ.

Какой позоръ обязаннымъ быть жизнью
Такому веретенному царю.

АРБАКЪ.

Но мы ему обязаны однако;
И жизнь у избавителя отнять
Позоръ безмѣрно большій.

БЕЛЕЗИСЪ.

Въ чемъ угодно
Упорствовать ты можешь, только звѣзды
Рѣшили все иначе.

АРБАКЪ.

Да когдабъ
Онѣ сошли на землю и рядами
Построились, чтобъ прикрывать мой путь,
Я бѣ не пошолъ за ними.

БЕЛЕЗИСЪ.

Это слабость,
И худшая, чѣмъ свойственной старухамъ,
Страхъ мертвецовъ, иль темпоты.—Впередъ!

АРБАКЪ.

Мнѣ чудилось, когда онъ говорилъ,
Что я видалъ Немврода; онъ напомнилъ
Мнѣ царственную статую, что въ храмѣ
Глядитъ царемъ посреди царей
И кажется въ немъ богомъ, между тѣмъ—
Какъ тѣ тотъ храмъ собой лишь украшаютъ.

БЕЛЕЗИСЪ.

Я говорилъ, что ты пренебрегалъ имъ
Не много черезчуръ; въ немъ есть величье
Какое-то. Такъ чтожь? тѣмъ благороднѣй
Врага имѣть мы будемъ.

АРБАКЪ.

Тѣмъ гнуснѣе
Становимся мы сами: ахъ, зачѣмъ
Щадилъ онъ насъ!

БЕЛЕЗИСЪ.

Ужель ты такъ охотно
Хотѣлъ бы въ жертву принесеннымъ быть!

АРБАКЪ.

Не то, но умереть—намъ было-бъ лучше,
Чѣмъ жить неблагодарными.

БЕЛЕЗИСЪ.

Увы!

Что за умы встрѣчаются порой!
Ты заварилъ—что люди называютъ
Измѣною,—глупцы же въ роломствомъ,—
И погляди—затѣмъ, что почему-то,
Иль просто безъ причипы,—этотъ грозный
Опустошитель чашъ между тобой
И Салименомъ сталъ—ты вдругъ,—сказать ли,
Чѣмъ вдругъ ты сталъ? Сарданапаломъ! я
Безславнѣе не нахожу и слова.

АРБАКЪ.

Лишь часъ назадъ меня такъ могъ назвать
Кто жизнью лишь не дорожилъ своею.
Ну—а теперь,—теперь я забываю,
Какъ онъ забылъ. Сама Семирамида
Не сдѣлала бы этого.

БЕЛЕЗИСЪ.

Царица

Участникомъ въ престолѣ даже мужа
Имѣть не захотѣла.

АРБАКЪ.

Я ему

Служить обязанъ вѣрно.

БЕЛЕЗИСЪ.

И смиренно?

АРБАКЪ.

Нѣтъ, съ гордостью,—какъ честный человѣкъ.
Я болѣе къ престолу буду близкимъ,
Чѣмъ ты къ звѣздамъ,—и болѣе высокимъ,
Хотя не столь заносчивымъ, какъ ты.
Ты можешь оставаться при своемъ,
Руководясь законами, познаниемъ
Небесныхъ тайнъ, и правъ земныхъ, и правилъ,
И прочаго,—а мнѣ дозволяй внимать—
Чему меня простое сердце учить.
Теперь меня ты знаешь.

БЕЛЕЗИСЪ.

Но ты кончилъ?

АРБАКЪ.

Съ тобою—да.

БЕЛЕЗИСЪ.

И хочешь, можетъ быть,
Мнѣ измѣнить, какъ захотѣлъ оставить.

АРБАКЪ.

Такъ можетъ думать жрецъ, но не солдатъ.

БЕЛЕЗИСЪ.

Пусть бѣдетъ все по твоему,—лишь кончимъ
Мы этотъ споръ,—и выслушай меня.

АРБАКЪ.

Нѣтъ; ты своимъ пронырливымъ умомъ
Опаснѣе фаланги.

БЕЛЕЗИСЪ.

Если такъ—

Я остаюсь одинъ.

АРБАКЪ.

Одинъ!

БЕЛЕЗИСЪ.

Я вижу

Одинъ лишь тронъ.

АРБАКЪ.

И тотъ покуда занять.

БЕЛЕЗИСЪ.

Но занять кѣмъ?—столкнуть царя такого
 Такой же трудъ, какъ сѣсть на праздномъ мѣстѣ.
 Арбакъ,—послушай, я—тебя любилъ,
 Я поощрялъ, я ободрялъ тебя,
 Я помогаль тебѣ;—да что?—хотѣлъ
 Служить тебѣ—въ надеждѣ, что я буду
 Служить и Ассиріи; небеса
 Скрѣпили наши планы; всѣ событья—
 До этого послѣдняго—намъ были
 Вполнѣ благопріятны, лишь оно
 Въ твой смѣлый духъ вселило малодушье.
 Но слушай,—я, наскучивъ зломъ отчизны,
 Теперь хочу—иль сбыть ея тирана,
 Иль жертвой быть его; одно изъ двухъ
 Иль оба вдругъ,—какъ иногда бываетъ.
 Но выиграй я дѣло лишь,—Арбакъ
 Тогда мой рабъ.

АРБАКЪ.

Твой рабъ?

БЕЛЕЗИСЪ.

Такъ чтожь? все лучше,
 Чѣмъ—какъ *прощенный рабъ Сарданапала.*
(Входитъ Паниа).

ПАНИА.

Вельможи,—я съ приказомъ отъ царя.

АРБАКЪ.

Узнать его—все то же—что исполнить.

БЕЛЕЗИСЪ.

Однако всежь дозволю намъ услышать—

ПАНИА.

Вы въ этужь ночь, теперь же, отправляться
 Должны къ своимъ сатрапіямъ,—одинъ
 Въ свой Вавилонъ, другой въ свою Мидію.

БЕЛЕЗИСЪ.

И съ нашими войсками?

ПАНИА.

Нѣтъ, приказъ

Касается сатраповъ лишь и ихъ
 Домашней свиты.

АРБАКЪ.

Но—

БЕЛЕЗИСЪ.

Повиновенье—

Вотъ нашъ отвѣтъ; скажи, что мы готовы—

ПАНІА.

Я вашъ отъѣздъ, сатрапы, долженъ видѣть,
А не отвѣтъ нести отъ васъ.

БЕЛЕЗИСЪ (*въ сторону*).

Кончено!

Не мы ли вамъ укажемъ путь отсель.

ПАНІА.

Я ухожу, чтобъ вамъ устроить стражу
Почотную, какъ требуетъ вашъ санъ,—
И буду ждать—на сколько терпитъ время.
(*Панія уходитъ*).

БЕЛЕЗИСЪ.

Ты слышалъ—отправляйся!

АРБАКЪ.

Безъ сомнѣнья.

БЕЛЕЗИСЪ.

Да, до воротъ лишь этого дворца,
Который намъ теперь темницей служить,
Не далѣе.

АРБАКЪ.

Ты правъ и въ самомъ дѣлѣ!
Да и на всемъ пространствѣ государства
Для насъ зіяютъ тюрьмы—что ни шагъ.

БЕЛЕЗИСЪ.

Могилы!

АРБАКЪ.

О, будь это справедливо, —
Мой добрый мечъ устроилъ бы тогда
Еще одну могилу, кромѣ той,
Въ которой самъ я лягу.

БЕЛЕЗИСЪ.

Онъ работы

Имѣть довольно будетъ: но тебя
Ждетъ лучшая судьба; чѣмъ ты пророчишь.
Идемъ отсель—и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
Теперь со мной согласенъ ты, что этотъ
Приказъ есть приговоръ?

АРБАКЪ.

И что другое

Онъ означать бы могъ?—таковъ всегда
Обычай былъ у деспотовъ восточныхъ —

Любовь и ядъ,—прощенье и сѣкира, —
 Далекій путь—и вѣчный сонъ; какъ много
 Сатраповъ при отцѣ его;—объ немъ
 Я не скажу, чтобъ онъ былъ кровожаденъ,
 По крайней мѣрѣ прежде —

БЕЛЕЗИСЬ.

Но такимъ
 Онъ хочетъ быть и долженъ быть теперь.

АРБАКЪ.

Я въ этомъ сомнѣваюсь; но какъ много
 Знавалъ я при отцѣ его сатраповъ,
 Что управлять чуть-чуть не государствомъ
 Надменно выѣзжали, чтобъ въ дорогѣ
 Найти свой гробъ. Не знаю почему, —
 Но всѣ они въ пути заболѣвали; —
 Такъ этотъ путь былъ дологъ и тяжелъ.

БЕЛЕЗИСЬ.

Лишь городскихъ достигнуть бы намъ улицъ,
 Мы кончимъ путешествіе.

АРБАКЪ.

Оно
 Окончится, быть можетъ, у воротъ.

БЕЛЕЗИСЬ.

Нѣтъ, этого они не смѣютъ сдѣлать;
 Имъ умертвить хотѣлось бы насъ тайно,
 Не во дворцѣ, иль въ городскихъ стѣнахъ,
 Гдѣ знаютъ насъ, гдѣ есть у насъ клеветы;
 Когдабъ они насъ здѣсь убить хотѣли,
 Насъ не было бъ давно между живыми.
 Идемъ отсель.

АРБАКЪ.

Когдабъ я зналъ, что жизни
 Моей не хочетъ онъ —

БЕЛЕЗИСЬ.

Безумный!—вонъ
 Идемъ отсель; чего хотѣть другаго
 Встревоженному деспоту?—вотъ намъ
 До войска бы добратся и—въ походъ.

АРБАКЪ.

Къ сатрапіямъ.

БЕЛЕЗИСЬ.

Нѣтъ, къ твоему ужъ царству.
 Надежду, время, дерзость, силы, средства, —
 Намъ все сполна даютъ ихъ полумѣры!

*

АРБАКЪ.

Итти на преступленье, противъ воли,
Гнушаясь имъ!

БЕЛЕЗИСЪ.

Но самозащищенье

Прямая добродѣтель—и оплотъ
Всѣхъ нашихъ правъ. Идемъ,—я говорю!
Дворецъ ужь начинаетъ проникаться
Удушливой заразой,—стѣны пахнутъ
Травою заустѣнья; вонъ отсель!
Зачѣмъ давать опомниться имъ снова?
Мы скорымъ отправленьемъ успокоимъ
Ихъ за себя; мы скорымъ отправленьемъ
И Панію достойнаго—и наши
Предупредимъ отряды, чтобъ отсель
Имъ не дали другихъ распоряженій.
Средины нѣтъ—идемъ!—я говорю.

*(Уходитъ; Арбакъ слѣдуетъ за нимъ неотом-
но.—Входятъ Сарданапалъ и Салимень).*

САРДАНАПАЛЪ.

Все спасено,—и безъ пусканья крови, —
Безъ этого послѣдняго изъ средствъ
Къ спасенію. Мы ссылкой сатраповъ
Себя обезопасили.

САЛИМЕНЪ.

Какъ тотъ,
Кто мнетъ цвѣты, отъ уязвленья змѣя,
Въ нихъ скрытаго, себя обезопасилъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Чтожь я теперь могъ сдѣлать бы еще?

САЛИМЕНЪ.

Раздѣлать все, что сдѣлалъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Уничтожить

Прощеніе?

САЛИМЕНЪ.

Вънецъ надвинуть крѣпче —
Ослабнувшій на головѣ твоей.

САРДАНАПАЛЪ.

Тираномъ стать!

САЛИМЕНЪ.

Затѣмъ, чтобъ быть спасеннымъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Мы спасены безъ этого; какою
Опасностью они грозить намъ могутъ
На рубежѣ имперіи?

САЛИМЕНЪ.

Они

Еще не тамъ; имъ тамъ не быть бы вовсе,
Когдабъ я былъ услышанъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Нѣтъ;—тебя

Я выслушалъ; зачѣмъ же и не ихъ?

САЛИМЕНЪ.

Объ этомъ ты узнать лишь можешь послѣ;
Затѣмъ дозволь итти мнѣ и собрать
На всякій случай стражу.

САРДАНАПАЛЪ.

Ты на пиръ

Притти не позабудешь?

САЛИМЕНЪ.

Государь,—

Освободи,—я скучный собесѣдникъ;
Указывай мнѣ службы, но Вакханкамъ
Служить не заставляй.

САРДАНАПАЛЪ.

А между тѣмъ

Отъ времени до времени не худо
Попировать.

САЛИМЕНЪ.

Не худо быть на стражѣ

Кому-нибудь за тѣхъ, кто пированью
Не знаетъ мѣръ. Могу ли я итти?

САРДАНАПАЛЪ.

Иди.—Постой, мой добрый Салименъ,
Мой братъ, мой другъ, мой князь далеко лучший,
Чѣмъ я—твой царь:—тебѣ бы быть монархомъ,
А мнѣ... а мнѣ не знаю чѣмъ;—что нужды...
Не думай лишь, что я совсѣмъ безчувственъ
И къ твоему столь честному раченью,
И къ твоему столь строгому,—однако
Все-жъ доброму, хотя притомъ не рѣдко
Бранчивому,—терпѣнію моихъ
Безчисленныхъ дурачествъ. Если я
Двухъ человекъ по твоему совѣту
Не умертвилъ, такъ это значить—я
Щадилъ ихъ жизнь,—отнюдь не сомнѣваясь,
Что твой совѣтъ былъ здравъ; пускай живутъ:
Ихъ жизнь такъ зла,—такъ пусть они исправятъ
Ее теперь; притомъ ихъ удаленье
Мой сонъ смущать не будетъ, между тѣмъ
Ихъ смерть могла унести его съ собою.

Салимень.

Но жизнь такихъ измѣнниковъ, быть можетъ,
Тебѣ грозитъ сномъ вѣчнымъ: ты имъ далъ
Года злодѣйствъ замѣсто мукъ мгновенныхъ.
О еслибъ ты дозволилъ ихъ смирить—

Сарданапалъ.

Я слово далъ: не искушай меня.

Салимень.

И можешь отмѣнить его.

Сарданапалъ.

Я царь.

Салимень.

И долженъ быть рѣшителенъ; изгнанье
Ихъ раздражить способно лишь сиѣнѣй;
Прощеніе, когда оно не полно,
Не есть уже прощенье.

Сарданапалъ.

Кто-жь заставилъ,—

Кто убѣдилъ меня ихъ удалить
Въ сатрапій, когда я ихъ простилъ,
Лишь запретивъ имъ во дворецъ являться?

Салимень.

Ты правъ я позабылъ; но, государь,—
Не осуждай меня за мой совѣтъ,
Пока они сатрапій не достигли,
Лишь ежели они достигнутъ ихъ.

Сарданапалъ.

Но ежели они ихъ не достигнутъ,
И въ безопасности—пойми меня!
Замѣть, что—въ безопасности—тогда
Подумай о своей.

Салимень.

Дозволь идти мнѣ;

Я такъ страшусь за безопасность ихъ.

Сарданапалъ.

Теперь иди—и думай о своемъ
Ты братъ—благоклоннѣй.

Салимень.

Государь,

Во мнѣ всегда монархъ найдетъ слугу.

(Салимень уходитъ).

Сарданапалъ. (Одинъ).

Онъ человѣкъ съ душою слишкомъ строгой,—
Высокою,—но мрачной, какъ скала,
Свободная отъ всякихъ знаковъ тѣни
Земли обыкновенной; между тѣмъ

Я мягкій грунтъ, усѣянный цвѣтами,
 Простая персть:—каковъ нашъ смертный грунтъ,
 Таковъ и плодъ быть долженъ.—Если я
 Грѣшилъ когда, то никогда такъ тяжело,
 Чтобъ черный грѣхъ смутилъ во мнѣ то чувство...
 Не знаю какъ назвать его; но въ немъ
 Порою тоску, порою наслажденье
 Я нахожу; оно въ моей груди,
 Какъ нѣкій духъ, сидитъ и укрощаетъ
 Сердечные порывы и такіе
 Вопросы предлагаетъ, что ни смертный
 Мнѣ предложить не смѣлъ бы,—ни Вааль,—
 Хотя онъ богъ, дающій прорицанья,
 Хоть мраморныхъ бровей его недвижность
 Въ вечернемъ полумракѣ иногда
 Столь грозной мнѣ казалась,—будто вправду
 Оракулъ былъ готовъ заговорить.—
 Прочь призраки,—печальныя мечтанья,—
 Вотъ радости предтеча къ намъ идетъ.

(*Входитъ Мирра.*)

МИРРА.

Царь, тучи набѣгаютъ; громъ рокочетъ;
 Все небо почернѣло; брызги молній
 Ужасную грозу намъ предвѣщаютъ.
 Теперь дворца ты вѣрно не покинешь.

САРДАНАПАЛЪ.

Ты говоришь грозу?

МИРРА.

Да, говорю,

Мой добрый властелинъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Что до меня—

Я былъ бы радъ ея разнообразью;
 Я такъ люблю борьбу стихій; но это
 Едвакъ идетъ и къ шелковымъ одеждамъ
 Монхъ гостей и къ лицамъ ихъ столь нѣжнымъ.
 Признайся мнѣ, боишься ли ты, Мирра,
 Какъ прочіе, рычанья тучъ громовыхъ?

МИРРА.

Ихъ голосамъ въ моей отчизнѣ внемлютъ,
 Какъ знаменьямъ Юпитера,—со страхомъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Юпитера — да, вашего Ваала. —
 Нашъ тоже власть имѣетъ надъ громами,
 И божество свое по временамъ
 Какой-нибудь стрѣлою заявляетъ,

Хотя притомъ она весьма не рѣдко
Его же поражаетъ алтари.

Мирра.

О, это страшный признакъ!

Сарданапалъ.

Для жрецовъ.

Но такъ и быть—мы въ эту ночь нашъ праздникъ
Откроемъ здѣсь, внутри дворцовыхъ стѣнъ.

Мирра.

Хвала Юпитеру! онъ услышалъ
Мою мольбу, которую исполнить
Ты колебался. Боги для тебя
Добрѣй, чѣмъ самъ ты: съ этою грозою
Они даютъ тебѣ надежный щитъ
Противъ твоихъ враговъ.

Сарданапалъ.

Дитя, какъ скоро

Есть подлинно опасность, такъ она
Межъ этихъ стѣнъ, на берегу рѣки—
Есть одинаково.

Мирра.

Нѣтъ, эти стѣны

Крѣпки и высоки; вокругъ нихъ стража;
Измѣнники должны сюда проникнуть
Черезъ множество извилистыхъ путей
И твердыя ворота; — къ павильону жь
Преграды никакой нѣтъ.

Сарданапалъ.

Какъ ея

Нѣтъ ни къ дворцу, нѣтъ ни къ какой твердинѣ,
Ниже къ скалѣ заоблачной Кавказа,
Гнѣздомъ орлу служащей, — если только
Измѣна есть; — и какъ стрѣла находитъ
И тамъ царя воздушнаго, такъ точно
Булатъ найдетъ земнаго. Но ты можешь
Спокойной быть: виновны иль невинны
Тѣ люди передъ нами, — ихъ изгнали
И даже въ путь отправили.

Мирра.

Они

Еще въ живыхъ поэтому?

Сарданапалъ.

И ты

Такъ вровожадна?

МИРРА.

Я бѣ не уклонилась
Отъ праваго возмездія тому,
Кто посягнулъ на жизнь твою; — иначе
Я бѣ не была сама достойна жизни. —
Князь Салименьъ, котораго ты слышалъ,
Наставвалъ на томъ же.

САРДАНАПАЛЪ.

Это странно; —
И добрые и злые подвигаютъ
Меня на мечь.

МИРРА.

Она есть добродѣтель.

САРДАНАПАЛЪ.

Не царская; — она меня унижить;
Я мстить бы могъ лишь равнымъ мнѣ — царямъ —

МИРРА.

Какими быть хотѣли эти люди.

САРДАНАПАЛЪ.

Ужь это слишкомъ женски; Мирра; ты
Такъ говоришь отъ страха.

МИРРА.

За тебя.

САРДАНАПАЛЪ.

Да все равно; и это тотъ же страхъ.
Я наблюдалъ вашъ полъ и я замѣтилъ,
Что стоить быть вамъ разъ вооруженнымъ,
Вы мстительны до степени упрямства,
Которому я подражать не стану.
Я думалъ — ты отъ этого изъята,
Какъ отъ другихъ столь дѣтскихъ недостатковъ
Азійскихъ нашихъ женщинъ.

МИРРА.

Государь, —

Я не хочу гордиться ни любовью,
Ни высотой души; но я дѣлила
Съ тобою блескъ и раздѣлю превратность.
Придетъ пора, когда раба, быть можетъ,
Покажетъ больше сердца, чѣмъ милльоны
Другихъ тебѣ подвластныхъ. Но пусть боги
Избавятъ насъ отъ этого. А я
Скорѣй хочу любимой быть на вѣру,
Чѣмъ въ бѣдствіяхъ доказывать любовь —
Тебя спасти безсильную, — быть можетъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Гдѣ есть любовь столь чистая, тамъ бѣдствій

Не можетъ быть; они должны исчезнуть
 Предъ тѣмъ, чего — не въ силахъ испугать.
 Но намъ пора, — идемъ встрѣчать гостей,
 Желających почтить собой нашъ праздникъ.

(Уходятъ).

АКТЪ ТРЕТІЙ.

С Ц Е Н А I.

Ярко освѣщенная дворцовая палата. — Сарданапаль и гости за столомъ. — На дворѣ буря; время отъ времени слышны раскаты грома.

САРДАНАПАЛЬ.

Лей до краевъ! поливай! — вотъ гдѣ царство
 Мое теперь: среди очей столь свѣтлыхъ,
 Межь этихъ лицъ счастливыхъ и прекрасныхъ.
 Сюда печаль проникнуть не посмѣетъ.

ЗАМА.

Какъ всюду, царь, — гдѣ бъ ни былъ ты, — веселье
 Должно сіять.

САРДАНАПАЛЬ.

И чѣмъ могли быть лучше
 Немродовы охоты, иль моей
 Праматери свирѣпой похождения
 На ловлю царствъ, которыхъ и упрочить
 Она была не въ силахъ за собой? —

АЛЬТАДА.

Немродъ — Семирамида — какъ ни славны
 Они въ вѣкахъ, — и какъ ни знаменито
 Все царственное племя ихъ, — никто
 Не превзошелъ царя Сарданапада,
 Который миръ — своей единой славой
 Поставить захотѣлъ.

САРДАНАПАЛЬ.

И наслажденье,
 Альтада мой; оно цѣль самой славы,
 Равно какъ всѣхъ исканій и трудовъ.
 Я путь избралъ кратчайшій; я по трупамъ
 Къ нему не пробирался; я не дѣлалъ
 Мой каждый шагъ могилой.

ЗАМА.

Никогда.

Всѣ голоса и даже всѣ сердца

Тебя благословляютъ; ты царь мира;
Ты міру далъ всемірный юбилей.

Сарданапаль.

И ты увѣренъ въ этомъ? я слыхалъ
Совсѣмъ не то; иные говорятъ,
Что будто есть измѣнники, мой Зама.

Зама.

Измѣнникъ тотъ, кто это говоритъ.
Возможно-ль? гдѣ причина?

Сарданапаль.

Гдѣ причина?

Ты правъ; налей мой кубокъ; мы объ нихъ
И думать не хотимъ; да ихъ и нѣтъ;
А если есть, — они ужь далеко.

Альтада.

Кто пьетъ, друзья, со мною? — На колѣни
Падете здѣсь, устроимъ возліянье
За здравіе царя, — монарха, — бога
Сарданапала!

*(Зама и другіе гости преклоняютъ
колѣни и восклицаютъ):*

Богъ Сарданапаль!

*(Раздается громовой ударъ; некото-
рые изъ колѣнопреклоненныхъ вскаки-
ваютъ въ смущеніи.)*

Зама.

Зачѣмъ, друзья, встаете? Въ этомъ громѣ
Я слышу лишь согласіе боговъ —
Его отцовъ.

Мирра.

Скорѣй угрозу. Царь!
Какъ сносишь ты безумное нечестье?

Сарданапаль.

Нечестіе? о нѣтъ, — когда цари,
Которымъ я наслѣдовалъ, богами
Лишь сдѣлались, такъ я не обезчещу
Ихъ славный родъ. Но всежь, мои друзья,
Вамъ лучше встать и этимъ поклоненьемъ
Почтить громодержателя; а я
Одной любви ищу, — не обожанья.

Альтада.

Ты долженъ быть любимъ и обожаемъ
Отъ искреннихъ рабовъ своихъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Гроза,
Мнѣ кажется, становится сильнѣе;
Какая ночь ужасная!

МИРРА.

О, да —

Особенно — кто не имѣетъ храмовъ,
Чтобъ защитить поклонниковъ своихъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Да... это такъ; но будь я въ состояннн
Все царство обратить въ пріютъ несчастныхъ, —
Я-бъ обратилъ.

МИРРА.

Такъ ты не богъ, — когда
Столь добраго желанія не можешь
Осуществить.

САРДАНАПАЛЪ.

А ваши боги, Мирра,
Которые бездѣйствуютъ, хоть могутъ?

МИРРА.

Не говори объ этомъ, чтобы намъ
Не прогнѣвить ихъ больше.

САРДАНАПАЛЪ.

Это правда:

Терпимости не больше въ нихъ, чѣмъ въ людяхъ.
Друзья, — вотъ мысль: положимъ для примѣра,
Что храмовъ нѣтъ; могли ль тогда-бъ у неба
Быть чтители, особенно — когда,
Вотъ какъ теперь, оно разить стрѣлами?

МИРРА.

У персовъ совершаются молитвы
Лишь на горахъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Да; при сіяньи солнца.

МИРРА.

И я желаю знать: когда-бъ дворецъ твой
Былъ вдругъ раскрытъ, опустошенъ, — какъ много
Тогда льстецовъ найдется, что придутъ
Лизать ту пыль, въ которой царь поверженъ?

АЛЬТАДА.

Прекрасная гречанка слишкомъ строго
Язвить народъ, котораго не знаетъ.
Въ своемъ царѣ мы ассирійцы видимъ
Предметъ благоговѣнья.

САРДАНАПАЛЪ.

Вы, простите —

Ее, друзья, за эту колкость рѣчи.

АЛЬТАДА.

Простить, монархъ! мы чтимъ ее всѣхъ больше,
Кромѣ тебя. Но — чу! Что это?

ЗАМА.

Чу!

Какъ будто стукъ большой воротной двери,
Вдругъ вѣтромъ распахнутой.

АЛЬТАДА.

Этотъ звукъ

Скорѣй похожъ — опять!

ЗАМА.

На крупный дождь,

Который бьетъ объ кровлю.

САРДАНАПАЛЪ.

Это такъ.

*(Къ Миррѣ.)*Любовь моя, настрой скорѣе лиру;
Спой пѣсню намъ изъ Сафо, — этой Сафо,
Которая въ твоей странѣ родимой
Низвергнулась —*(Входитъ Паниа съ мечемъ и одеждою въ крови и безпорядкѣ. Гости встаютъ въ смущеніи.)*Паниа, *(къ стражѣ).*

Скорѣй, скорѣй къ воротамъ —

Отстаивать дворцовую ограду.

Къ оружію! — царю грозитъ опасность.

Монархъ, прости! Моя внезапность — вѣрность.

САРДАНАПАЛЪ.

Разсказывай.

ПАНИА.

Что Салимень предвидѣлъ

Теперь сбылось: невѣрные сатрапы —

САРДАНАПАЛЪ.

Ты раненъ, погоди, — скорѣй вина.

Хоть освѣжи дыханье.

ПАНИА.

Ничего.

Я чуть лишь оцарапанъ; изнурила
Меня не столько рана, какъ поспѣшность
Предупредить царя.

МИРРА.

Потомъ —

Панія.

Какъ скоро
Арбакъ и Белезисъ достигли улицъ,
Гдѣ ихъ войска размѣщены, то дальше
Итти вдругъ отказались; я хотѣлъ
Ихъ силою заставить; но они
Къ войскамъ вдругъ обратились, и въ войскахъ
Мгновенно вспыхнулъ бунтъ.

Сарданапалъ.

Во всѣхъ?

Панія.

Во многихъ.

Сарданапалъ.

Ты не жалѣй свободныхъ словъ; не время
Жалѣть мой слухъ.

Панія.

Мой собственный отрядъ
Былъ вѣренъ государю; кто въ живыхъ
Остался въ немъ, тотъ остается вѣрнымъ
До сей поры!

Сарданапалъ.

И это все, что вѣрнымъ
Осталось намъ?

Панія.

За насъ еще бактрійцы,
Введенные въ сраженье Салименомъ,
Который подоспѣлъ ко мнѣ, однимъ
Своимъ лишь подозрѣнемъ привлеченный.
Они разятъ измѣнниковъ такъ храбро,
Сражаясь шагъ за шагомъ; весь дворецъ
Ихъ цѣпью окружонъ; они хотятъ
Стануть сюда всѣ силы, — чтобъ спасти
Царя и тронъ. (*Колѣблется*). Я присланъ —

Мирра.

Безъ записокъ, —

Они теперь не кстати.

Панія.

Князь дерзаетъ
Молить царя, чтобъ онъ вооружился,
Хотя на мигъ, чтобъ показать солдатамъ
Свой царскій ликъ: отъ этого онъ пользы
Ждетъ болѣе, чѣмъ можетъ сдѣлать войско.

Сарданапалъ.

Такъ чтоже? Гей! мое вооруженье.

Мирра.

И ты идешь?

САРДАНАПАЛЪ.

Какъ — я иду ли? Гей!

Щита не подавать, — онъ такъ тяжолъ;
 Достать мнѣ мечъ, да легкую кольчугу.
 А гдѣ бунтовщики?

Панія.

Теперь, быть можетъ,
 Упорный бой кипитъ отъ стѣнъ дворцовыхъ
 На стадію одну лишь.

САРДАНАПАЛЪ.

Я могу

Быть на конѣ повтому. Гей — Сферо!
 Коня мнѣ осѣдлатъ. Тамъ есть возможность
 Лишь на однихъ дворахъ, да вокругъ воротъ,
 Всѣхъ всадниковъ Аравіи построить.
 (*Сферо уходитъ*).

МИРРА.

Какъ я люблю тебя!

САРДАНАПАЛЪ.

Дитя, я въ этомъ

Не сомнѣвался никогда.

МИРРА.

А я

Теперь лишь узнаю тебя.

САРДАНАПАЛЪ (*къ одному изъ окружающихъ*).

Копье

Мнѣ также принести. (*Къ Паніи*).

Гдѣ Салименъ?

Панія.

Гдѣ долженъ быть солдатъ, — гдѣ гуще свалка.

САРДАНАПАЛЪ.

Такъ поспѣши къ нему — вѣдь сообщенье
 Между дворцомъ и нашими войсками
 Не прервано, и путь еще открытъ?

Панія.

Да, былъ открытъ, когда я съ мѣста битвы
 Спѣшилъ сюда; за это я спокоенъ; —
 Войска стоятъ усердно и фаланга
 Построена.

САРДАНАПАЛЪ.

Скажи ему, чтобъ онъ
 Берегъ свою особу и что я
 Свою беречь не буду, да скажи,
 Что я иду.

ПАНІЯ.

Побѣда — въ этомъ словѣ.

(Панія уходитъ.)

САРДАНАПАЛЬ.

Альтада, Зама — чтожь? Вооружайтесь;
Въ палатѣ оружейной все къ услугамъ
Столь вѣрныхъ слугъ. Смотрите, чтобы женщины
Подальше помѣстили, и чтобъ стража
Стояла у дверей ихъ — съ дозволеньемъ
Покинуть ихъ — лишъ вмѣстѣ съ жизнью. Зама,
Распорядись. Альтада, — поскорѣй
Иди вооружаться и сюда
Вернись опять: ты долженъ быть, по званью,
Всегда при насъ.

(Уходятъ всѣ, кромѣ Мирры; Сферо и другіе входятъ съ вооруженіемъ для царя.)

СФЕРО.

Твое оружье, царь!

САРДАНАПАЛЬ, *(надѣвая оружіе).*

Подай кольчугу; — перевязь; — теперь
Мой мечъ; — я шлемъ забылъ, — дай шлемъ. Вотъ такъ.
Но какъ же онъ тяжелъ; — да ты ошибся,
Я вовсе не желаю, — дай мнѣ тотъ,
Что сдѣланъ діадемой.

СФЕРО.

Царь, я думалъ,
Что слишкомъ онъ замѣтенъ по каменьямъ,
Чтобъ твоему священному челу
Защитой быть, — и вѣрь мнѣ по металлу
Гораздо выше этотъ, хотъ бѣднѣй.

САРДАНАПАЛЬ.

Ты думалъ! — развѣ ты мятежникъ? — Другъ!
Твой долгъ повиноваться: принеси —
Да нѣтъ — теперь ужъ поздно, — я безъ шлема
Иду.

СФЕРО.

Надѣнь — по крайней мѣрѣ этотъ.

САРДАНАПАЛЬ.

Надѣть Кавказъ! Ходить съ такой горою
На головѣ.

СФЕРО.

Но, царь, солдатъ послѣдній
Себя въ бою такъ выставять не сталъ бы.
Гроза прошла; во всемъ своемъ сіяньи
Встаетъ луна: тебя тотчасъ узнаютъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Я выхожу дать знать себя,—а это
Мнѣ легче сдѣлать такъ.—Копье!—вотъ я
Готовъ совсѣмъ.

(Уходя вдругъ останавливается).

Ахъ, Сферо, я забылъ—

Дай зеркало.

СФЕРО.

Великій! зеркало?

САРДАНАПАЛЪ.

Да, малый, зеркало,—свѣтлѣйшей мѣди,—
Индійскую добычу,—да скорѣй.

(Сферо уходитъ).

Ты, Мирра, здѣсь не вовсе безопасна—
И для чего съ подругами не вмѣстѣ?

МИРРА.

Мнѣ мѣсто—здѣсь.

САРДАНАПАЛЪ.

Но я иду отсель.

МИРРА.

И я послѣдую—

САРДАНАПАЛЪ.

И ты! на бой?

МИРРА.

И еслибъ такъ,—то я былабъ не первой
Гречанкою, топтавшей этотъ путь.
Но я здѣсь жду лишь твоего возврата.

САРДАНАПАЛЪ.

Да, мѣсто такъ удобно: если бунтъ
Одержитъ верхъ,—сюда ему проникнуть
Вѣрнѣй всего. Случись, положимъ, такъ—
И я не возвращусь.

МИРРА.

Но и за тѣмъ

Мы встрѣтимся съ тобою.

САРДАНАПАЛЪ.

Гдѣ же?

МИРРА.

Тамъ,

Гдѣ всѣ должны мы встрѣтиться—въ Андѣ,—
Когда лишь есть такой за Стиксомъ берегъ,—
А если нѣтъ,—въ могильной урнѣ.

САРДАНАПАЛЪ.

Какъ?

Ты можешь ли рѣшиться?

МИРРА.

Я могу—

Я все могу—и только пережить
 Что я люблю, чтобъ быть потомъ добычей
 Измѣнниковъ—вотъ все, что не могу я.
 Впередъ—и будь героемъ.

(Сферо приходитъ съ зеркаломъ; Сарданапалъ осматриваетъ себя въ зеркаль).

САРДАНАПАЛЪ.

Да, кольчуга

Ко мнѣ идетъ, и перевязь не хуже;
 Но шлемъ!

(Примѣриваетъ его и окончательно бросаетъ):

Долой!—Мнѣ эти побрякушки

Кажись—къ лицу.—Мы это испытываемъ.
 Альтада! гдѣ Альтада?

СФЕРО.

Государь,—

Онъ ждетъ тебя у входа—со щитомъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Да, я забылъ, что онъ мой щитоносецъ,
 По праву родовому.—Поцалуй
 Теперь меня, любовь моя: еще—
 Еще разъ, такъ;—затѣмъ—чтобъ ни случилось,—
 Люби меня; покроюсь ли я славой—
 Такъ для того, чтобъ только быть достойнѣй
 Твоей любви.

МИРРА.

Иди—и побѣждай!

(Сарданапалъ и Сферо уходятъ.)

Вотъ я одна; всѣ разошлись; какъ мало
 Изъ этихъ всѣхъ придутъ назадъ, быть можетъ!
 О если бы купить ему побѣду
 Могла моя гибель!—Я погибла,
 Когда не побѣдитъ онъ; пережить
 Его не захочу я; это сердце
 Онъ приковалъ... не знаю чѣмъ и какъ;
 Не тѣмъ лишь, что онъ царь: его престолъ
 Колеблется; сама земля зияетъ,
 Ему земли грозя лишь на могилу —
 На всемъ своемъ пространствѣ уступить,
 Межъ тѣмъ я все люблю.—Увы, Юпитеръ!
 Простишь ли ты чудовищной любви?
 Я варваромъ, незнающимъ Олимпа
 Увлечена: да, я его люблю,

И больше, чѣмъ когда нибудь.—Но чу!
Военный кличь,—все ближе.—Если такъ,
(*Вынимаетъ стеклянку*).

Колхосскій этотъ ядъ, что мой отецъ
На берегахъ Эвксина научилъ
Слагать изъ травъ и научилъ меня
Какъ сберегать его, теперь рабыню
Освободить. Онъ сдѣлалъ бы свободной
Давно меня, когда бъ я не любила,
Когда бъ любовь мнѣ не дала забыться,
Что я раба: о, тамъ гдѣ всѣ рабы,
Кромѣ лишь одного, гдѣ даже рабствомъ
Своимъ рабы гордятся, лишь бы имъ
Нижайшіе рабы еще служили,—
Тамъ скоро забывается, что цѣпи
Надѣтыя на насъ, какъ украшенье,
Такіе же оковы.—Чу! опять
Такой же кличь!—Бряцаніе мечей!—
Опять, опять—

(*Входитъ Альтада*).

АЛЬТАДА.

Гей,—Сферо, Сферо!—Гей!

МИРРА.

Его здѣсь нѣтъ;—зачѣмъ онъ? Какъ идетъ
Сраженіе?

АЛЬТАДА.

Сомнительно, но жарко.

МИРРА.

Какъ царь?

АЛЬТАДА.

Какъ царь. Я долженъ взять у Сферо,
Лишь новое копье ему и шлемъ.
До сей поры онъ бьется не покрытый
Почти ничѣмъ, и вовсе ужъ не вмѣру
Не дорожить собой. Войска признали
Его давно; надѣюсь, и враги...
Своихъ волосъ распущенныхъ волнами
И шолковой тиарой—при лунѣ
Онъ слишкомъ ужъ царемъ глядитъ. Черты
Его лица прекраснаго и пряди
Его волосъ, особенно повязка
Багряная—почти одна лишь цѣль,
Въ которую теперь пускаютъ стрѣлы.

МИРРА.

Вы боги, въ сторонѣ моей родимой

*

Разящіе! покройте мнѣ его.
Ты присланъ отъ царя?

Альтада.

Отъ Салимена,
Которымъ я отправленъ былъ тайкомъ,
Безъ вѣдома безпечнаго монарха.
Но царь!—о, царь—таковъ же и въ бою,
Какъ на пирахъ.—Гей,—Сферо!—Я, быть можетъ,
Найду его въ палатѣ оружейной.

(Альтада уходитъ).

Мирра.

Нѣтъ, въ этомъ нѣтъ безчестья,—нѣтъ;—любить
Такого человѣка нѣтъ безчестья.
Я пожелать теперь почти готова—
Чего я не желала никогда,
Чтобъ онъ былъ грекъ. О, ежели Алкидъ
Подвергся порицанью, что онъ въ платья
Лидіянки Омфалы наряжался
И прялъ веретенемъ ея;—такъ тотъ,
Кто вдругъ сталъ Геркулесомъ, бывши съ дѣтства
Лишь съ женскими искусствами знакомъ,
Кто бросивъ пиръ, идетъ на бой, какъ будто
На брачную постель, о, тотъ достоинъ
И греческой дѣвицей быть любимымъ,
И греческимъ поетомъ быть воспѣтымъ,
И въ греческой могилѣ быть зарытымъ
На мѣсто обелиска.—Какъ сраженье?

(Входитъ оруженосецъ).

Оруженосецъ.

Потеряно, потеряно.—Гдѣ Зѣма?

Мирра.

При женщинахъ на стражѣ.

(Оруженосецъ уходитъ).

Онъ ушелъ,

И лишь сказать едва успѣлъ, что все
Потеряно!—Что знать еще мнѣ нужно?
Въ его словахъ, о, въ этихъ двухъ словахъ
Погребены—и царь, и это царство,
Тринадцати-столѣтній родъ Немврода,
Безчисленные жизни и судьба
Всего, что уцѣлѣло; ахъ! и я —
И я затѣмъ въ великомъ ураганѣ
Ничтожная пылинка закружусь
И обращаюсь... въ ничто.—По крайней мѣрѣ
Моя судьба въ моихъ рукахъ: о, нѣтъ,—

Надменный побѣдитель не увидитъ
 Меня въ числѣ добычъ своихъ.

(Входитъ Панія).

ПАНІЯ.

За мной, —

Сейчасъ за мною, Мирра; этотъ мигъ, —
 Одинъ лишь мигъ, — вотъ все, что намъ осталось.

МИРРА.

А царь?

ПАНІЯ.

Прислалъ меня затѣмъ, чтобъ я
 Черезъ Евфратъ окольными путями
 Съ тобою переѣхалъ.

МИРРА.

Такъ онъ живъ?

ПАНІЯ.

Онъ живъ и мнѣ — велѣлъ тебя просить
 Беречь себя, пока онъ будетъ въ силахъ
 Съ тобой соединиться.

МИРРА.

Неужель

Онъ хочетъ уступить?

ПАНІЯ.

Покуда нѣтъ.

Что можетъ лишь отчаянье, такъ это
 Онъ сдѣлалъ все; въ самомъ дворцѣ теряетъ
 Онъ каждый шагъ — лишь съ бою.

МИРРА.

Такъ они

Поэтому ужъ здѣсь: о, да! я слышу
 Нестройный гамъ вдоль этихъ старыхъ стѣнъ,
 Впервые оскорбленныхъ буйнымъ крикомъ
 Мятежниковъ. Прощай же, Ассирія!
 Все, что хранитъ здѣсь память о Немвродѣ, —
 И даже это имя, — все прощай.

ПАНІЯ.

Идемъ, идемъ же!

МИРРА.

Нѣтъ; я здѣсь умру. —

Скажи царю, что я его любила

До самаго конца.

(Входятъ Сарданапалъ и Салименъ съ солдатами. Панія покидаетъ Мирру и примыкаетъ къ нимъ.)

САРДАНАПАЛЪ.

Какъ скоро такъ, —

Уиремъ, гдѣ мы родились,—во дворцѣ.
Сомкнемъ ряды—и постоимъ!—Я Заму
На помощь жду; онъ подойдетъ сейчасъ
Со свѣжею и вѣрною намъ стражей.
Не все погибло.—Панія, гляди
За Миррою.

(Панія возвращается къ Миррѣ).

Салимень.

Мы можемъ отдохнуть

Покуда здѣсь: друзья, еще попытку —
Одну за Ассирію!

Сарданапалъ.

Нѣтъ, скажи

За Бактрію!—О, вѣрные бактрійцы!
Я быть царемъ лишь вашего народа
Теперь хочу; мы будемъ править вмѣстѣ
Съ тобою этимъ царствомъ.

Салимень.

Чу! идутъ.—

Вотъ, — вотъ они!

(Входятъ Белезисъ и Арбакъ съ бунтовщиками.)

АРБАКЪ.

За мной!—теперь они
У насъ въ рукахъ. Смѣлѣй! Смѣлѣй!

Белезисъ.

Впередъ!

За насъ стоитъ, намъ помогаетъ небо.
Впередъ! впередъ!

*(Бунтовщики нападаютъ на царя и Салимена
которые защищаются до прихода Замы съ вы-
шеупомянутою стражею. — Матеежники в
свою очередь отступаютъ, подвергаясь пре-
слѣдованію Салимена, и проч., и проч. Царь
хочетъ присоединиться къ преслѣдующимъ, Бе-
лезисъ зараждаетъ ему путь.)*

Белезисъ.

Постой, тиранъ!—я кончить
Хочу войну.

Сарданапалъ.

Ого!—мой храбрый жрецъ,
Мой праведный пророкъ, мой благодарный,
Мой вѣрный подданный!—Прошу тебя—
Сдавайся; я—охотнѣе хотѣлъ бы
Тебя спасти для болѣе приличной
Тебѣ судьбы, чѣмъ этими руками
Пролить святую кровь.

БЕЛЕЗИСЪ.

Твой часъ насталъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Нѣтъ, твой. Я юный астрологъ; однако
Я наблюдалъ недавно звѣзды,—и
Слѣдя по зодіаку я открылъ
Твою судьбу подъ знакомъ Скорпіона;
Тамъ писано, что ты на этомъ мѣстѣ
Раздавленнымъ быть долженъ.

БЕЛЕЗИСЪ.

Не тобой.

*(Сражаются; Белезисъ раненъ и обезоруженъ).*САРДАНАПАЛЪ, *(поднявъ палашь, чтобы
покончить съ Белезисомъ).*

Взывай теперь къ планетамъ,—пусть онѣ
Падутъ съ небесъ, чтобъ своего пророка
И честь свою спасти....

*(Буктовщики возвращаются и освобождаютъ
Белезиса. Они нападаютъ на царя, котораго
въ свою очередь освобождаютъ его солдаты,
вытѣсняющіе буктовщиковъ).*

Кромѣ всего —

Мерзавецъ былъ пророкъ. За мной! сюда!
Побѣда будетъ наша.

*(Отправляется преслѣдовать).*МИРРА, *(къ Пани).*

Ты не хочешь

Идти имъ въ слѣдъ? Зачѣмъ же отставать,
Зачѣмъ давать собратіямъ солдатамъ
Прославиться побѣдой безъ тебя?

ПАНИЯ.

Царь приказалъ не покидать тебя.

МИРРА.

Меня! забудь о мнѣ; теперь рука
И одного солдата дорога;
Я не прошу, я не нуждаюсь въ стражѣ.
Вселенная на ставкѣ—такъ пора ли
Тутъ женщину стеречь?—Я говорю—
Иди отсель, иль откажись отъ чести!
Нейдешь? такъ я иду на мѣсто битвы,
Я,—женщина лишь слабая,—и тамъ
Велю тебѣ стеречь меня, идъ долженъ
Ты своему монарху быть щитомъ.

(Уходитъ).

ПАНИЯ.

Постой, красавица!—Ушла. Лишь только

Случись съ ней что—я человекъ погибшій;
 Сарданапалъ ее дороже ставить,
 Чѣмъ свой вѣнецъ, хотя и за него
 Сражается.—Зачѣмъ же и не я?
 Онъ тожь меча донинѣ не бралъ въ руки.
 Ахъ, Мирра, воротись!—я повинуюсь
 Тебѣ наперекоръ монарху. *(Уходитъ).*
(Входятъ Альтада и Сферо съ противополо-
ложной стороны).

АЛЬТАДА.

Мирра!

Исчезнула? — Она была однако
 Тутъ въ самый пылъ сраженья; съ нею видѣлъ
 И Панія. Ахъ! что случилось съ ними?

СФЕРО.

Я видѣлъ ихъ, когда отсель послѣдній
 Мятежникъ отступалъ: они, навѣрно,
 Прошли въ гаремъ окольными путями.

АЛЬТАДА.

Вернись нашъ царь съ побѣдой, какъ и должно
 Теперь бы ждать, и не найди гречанки
 Своей онъ тутъ,—такъ намъ придется хуже,
 Чѣмъ схваченнымъ мятежникамъ.

СФЕРО.

Пойдемъ

Ее искать; она уйти далеко
 Едвадь могла; нашъ нѣжный повелитель
 Находкою такою будетъ больше
 Обрадованъ, чѣмъ вновь вернутымъ царствомъ.

АЛЬТАДА.

Такъ никогда не бился самъ Ваалъ,
 Чтобъ покорить монархію, какъ бьется
 Его потомокъ хилый, чтобъ ее
 Не потерять. Онъ превзошелъ всѣ мнѣнья
 О немъ враговъ, какъ и друзей: такъ часто
 Лучистый лѣтній вечеръ вдругъ въ ночи
 Такой грозой взиграетъ, что и воздухъ
 Въ доскутъя рветъ и лететь потокомъ на землю.
 Онъ человекъ загадочный.

СФЕРО.

Какъ люди

Всѣ вообще. Всѣ—дѣти случая.
 Идемъ искать рабыню, а не то
 Мы быть должны готовы умереть
 Подъ пыткой, не сдѣлавъ преступленья.
(Входятъ Салименъ и солдаты).

Салимень.

Побѣда улыбается: дворецъ
Отбить кругомъ; открытъ свободный доступъ
Къ войскамъ, расположеннымъ за Евфратомъ,
Еще, *быть можетъ*, вѣрнымъ; нѣтъ, *должно быть*,
Какъ скоро вѣсть дошла до нихъ о нашей
Побѣдѣ лишь. Гдѣжь главный побѣдитель?
Гдѣ царь нашъ?

(*Входитъ Сарданапалъ съ своими и съ Миррою*).

Сарданапалъ.

Здѣсь, братъ.

Салимень.

Невредимъ, надѣюсь.

Сарданапалъ.

Нѣтъ, не совсѣмъ; но ничего, пройдетъ.
Вотъ мы дворецъ очистили.

Салимень.

И городъ,
Я думаю; войска къ намъ все подходятъ,
Я отрядилъ въ засадѣ бывшихъ пареянъ
Преслѣдовать мятежниковъ при ихъ
Нестройномъ отступленьи, что готово
Стать цѣлымъ пораженьемъ.

Сарданапалъ.

И теперь

Оно ужъ таково, по крайней мѣрѣ
Они бѣгутъ быстрѣе, чѣмъ я могъ
Ихъ догонять съ бактрійцами моими,
Извѣстными проворствомъ. Я усталъ;
Подайте мнѣ скамью.

Салимень.

Монархъ, вотъ тронъ.

Сарданапалъ.

Плохой пріютъ для отдыха—какъ тѣла,
Такъ и души; подайте мнѣ кровать,
Пастушечій чурбанъ—мнѣ все равно.

(*Подаютъ скамью*).

Вотъ такъ, теперь свободнѣе дышу я.

Салимень.

Ты въ жизнь свою не пережилъ часа,
Который бы такъ былъ великъ и славенъ.

Сарданапалъ.

И утомителенъ; гдѣ виночерпій?
Дай мнѣ воды.

Салимень, (*улыбаясь*).

Онъ слышитъ въ первый разъ

Такой приказъ, и даже я, строжайшій
Совѣтникъ твой, на болѣе багряный
Напитокъ разрѣшаю.

Сарданапалъ.

Безъ сомнѣнья,

На кровь; ея и безъ того довольно
Ужъ пролито; что до вина, то я
За эту ночь простой стихіи цѣну
Узналъ вполнѣ: три раза принимался
Я пить ее и трижды съ новой силой,
Какой мнѣ гроздь ни разу не давалъ,
Возобновлялъ я битву. Гдѣ солдатъ,
Что наполнилъ водой меня изъ шлема?

Одинъ изъ стражи.

Убить, монархъ! въ тотъ самый мигъ, какъ онъ,
Страхнувъ свой мокрый шлемъ, его надѣтъ
Готовился, ему високъ пронзила
Насквозь стрѣла.

Сарданапалъ.

Убить! безъ воздаянья!

Убить за то, что утолил мнѣ жажду;
Какъ грустно; бѣдный рабъ! будь онъ въ живыхъ,
Я золотомъ пресытилъ бы его:
За тотъ напитокъ мало заплатитъ
Всѣмъ золотомъ вселенной; мнѣ гортань
Палило, какъ теперь.

(Приносятъ воду).

Я ожилъ вновь.

Отнынѣ я за кубокъ буду браться
Въ часы любви, войну жъ вести съ водою.

Салименъ.

А эта перевязка, царь, которой
Обвязана рука твоя, что значить?

Сарданапалъ.

Царапина героя Белезиса.

Мирра.

Ты раненъ! ахъ!

Сарданапалъ.

Поменѣ хлопотъ.

А впрочемъ я теперь, какъ охладѣлъ,
Какой-то жаръ сталъ чувствовать и боль.

Мирра.

Ты сдѣлалъ перевязку —

Сарданапалъ.

Изъ моей

Повязки діадемной: въ первый разъ

Мнѣ это украшенье послужило
Къ чему нибудь.

МИРРА, *(къ окружающимъ)*.

Скорѣй сюда врача

Искуснаго: идите, умоляю.

Дай рану развязать мнѣ и пока
Заняться ей.

САРДАНАПАЛЪ.

Пожалуй; эта боль

Становится чувствительной: но многоль
Ты разумѣешь въ ранахъ? впрочемъ, что
Я говорю? а знаешь ли ты, братъ,
Гдѣ повстрѣчалъ я эту чародѣйку?

САЛИМЕНЪ.

Въ толпѣ другихъ красавиць, отъ испуга
Дрожащую, какъ лань.

САРДАНАПАЛЪ.

Нѣтъ, какъ подругу

Младого льва, когда во слѣдъ ловцу,
Укравшему дѣтеныша у ней,
Она рычитъ, поженски негодуя,
(По женски означаетъ тутъ—свирѣно,
За тѣмъ что мы всѣ крайности страстей
Находимъ лишь у женщинъ) такъ она
И голосомъ, и видомъ, и блистаньемъ
Своихъ очей, и вѣтромъ разносимыхъ
Своихъ волосъ распущенныхъ—на битву
Солдатъ одушевляла.

САЛИМЕНЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

САРДАНАПАЛЪ.

Не я одинъ, ты видишь, въ эту ночь
Сталъ воиномъ. Я такъ былъ пораженъ,
Что глазъ не могъ свести съ нея. Румянецъ
Ея ланитъ, огонь большихъ и черныхъ
Ея очей, изъ-подъ ея волосъ
Разбросанныхъ сверкавшій, яркій блескъ
Ея чела и голубыя жилки
На томъ челѣ, гармонію размѣра
Утратившія ноздри, раздвоенье
Багряныхъ губъ, ея звѣнящій голосъ,
Всѣ голоса пронзавшій, какъ пронзать
Дано струнамъ звонко-поющей арфы
Тяжелое бряцаніе кимвала,
Размахи рукъ, сверкавшихъ бѣлизною
Ярчѣй, чѣмъ сталь, что у нея въ рукѣ

Тогда была и что́ она изторгла
Изъ рукъ у мертваго солдата: все,
Все это представляло изъ нея
Для нашихъ войскъ пророчицу побѣды,
Иль самую побѣду, къ намъ съ привѣтомъ
Сходившую.

Салимень, *(про себя)*.

Ужь это слишкомъ: имъ
Опять любви припадокъ овладѣлъ;
Погибло все, лишь будь онъ предоставленъ
Такому настроенью. *(Громко)*. Царь, подумай,
Прошу тебя, о ранѣ; вѣдь ты самъ
Назвалъ ее чувствительной.

Сарданапалъ.

Да, правда;

А потому объ ней не нужно думать.

Салимень.

Я все предусмотрѣлъ и обо всемъ
Приказы далъ; мнѣ слѣдуетъ взглянуть
На точность исполненья, и потомъ
Притти узнать дальнѣйшій твой расчетъ.

Сарданапалъ.

Иди же.

Салимень, *(уходя)*.

Мирра!

Мирра.

Князь!

Салимень.

Ты показала

Себя за эту ночь; не будь онъ мужемъ
Моей сестры... Но мнѣ теперь не время.
Ты любишь государя?

Мирра.

Я люблю

Сарданапала.

Салимень.

Да; но ты бь желала

Ему царемъ быть снова?

Мирра.

Я бь желала,

Чтобъ онъ былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть, не меньше.

Салимень.

Такъ хорошо, чтобъ быть ему царемъ,
Чтобъ быть твоимъ, быть всѣмъ, чѣмъ долженъ онъ,
Или не долженъ быть; чтобъ быть въ живыхъ,
Спаси его отъ нѣги; ты надъ нимъ—

Имѣешь больше власти, чѣмъ разумность—
Внутри дворца, или кровавый бунтъ
Виѣ стѣнъ его: смотри, чтобъ онъ не палъ.

МИРРА.

Для этого и голосъ Салимена
Не нуженъ мнѣ: я общаю все,
Что женское безсиліе лишь можетъ.

САЛИМЕНЪ.

Надъ сердцемъ, какъ его, оно всеильно.
Умѣй распорядиться.

(Уходитъ).

САРДАНАПАЛЪ.

Мирра! какъ?

Шептать тайкомъ съ моимъ суровымъ братомъ?
Я сдѣлаюсь ревнивымъ.

МИРРА, (улыбаясь).

Ты причину

Имѣешь, царь: другого человѣка
Нѣтъ на землѣ, который бы такія
Имѣлъ права на женскую любовь,
На вѣру всѣхъ, на преданность подвластныхъ,
Почотъ царя, на удивленье міра!

САРДАНАПАЛЪ.

Хвали его, но ужь не такъ усердно.
Изъ этихъ устъ прекрасныхъ не должно
Струиться краснорѣчье для другаго,
Кто-бъ могъ меня затмить. Но я согласенъ,
Ты правду говоришь.

МИРРА:

Теперь пойдѣмъ
Твоей заняться раной. Обопрись,
Мнѣ на руку.

САРДАНАПАЛЪ.

О, да, любовь моя,
Хотя не потому, что я страдаю.

(Уходятъ).

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СЦЕНА I.

САРДАПАПАЛЪ СПИТЬ ВЪ ПОСТЕЛИ; СОНЪ ЕГО БЕЗПОКОЕНЪ И ТРЕВОЖЕНЪ;
МИРРА У ЕГО ИЗГОЛОВЬЯ.

МИРРА.

Я прихожу тайкомъ сюда на отдыхъ
Его взглянуть, коль въ этомъ снѣ ужасномъ
Лишь отдыхъ есть. Я разбужу его.—
Нѣтъ, онъ утихъ. О, богъ успокоенья!
Волшебный царь чарующихъ видѣній,
Замкнутыхъ въждь и сновъ столь крѣпкихъ,
крѣпкихъ,

Что ихъ и сны не возмущаютъ! будь
Похожимъ на сестру свою: на смерть,—
Столь тихую, недвижную; мы въ этомъ
Находимъ столько счастья; можетъ быть
Лишь потому, что счастье живетъ
Лишь въ царствѣ молчаливой, непробудной,
Тайнственной сестры твоей.— Опять
Онъ весь дрожить; опять припадокъ боли
Стянулъ лицо: вотъ такъ въ тѣни подгорной
Надъ озеромъ мелькаетъ легкой рябью
Внезапный вихрь; такъ колыхаетъ вѣтеръ
Осенними листьями, недвижимо
И жалобно прильнувшими къ своимъ
Роднымъ вѣтвямъ.— Иль разбудить его?—
Однако нѣтъ,—кто знаетъ, что за сонъ я
Могу прервать?— Онъ страдаетъ, это видно;
Но если я для бѣльшаго страданья
Дамъ встать ему? Притомъ всему причиной
Быть могутъ лишь событья этой ночи
Томительной и боль отъ этой раны,
Хотя пустой. Быть можетъ онъ и страдаетъ
Совсѣмъ не такъ, какъ я воображаю.
Такъ пусть о немъ радѣетъ мать-природа
Заботой материнской; я должна
Ей помогать скорѣе, чѣмъ мѣшать.

САРДАПАПАЛЪ, *(просыпаясь)*.

Нѣтъ, нѣтъ! хотя-бъ—вы мнѣ всѣ звѣзды неба
Могли отдать и мнѣ устроить вѣчный
Межъ ними тронъ, я-бъ этою цѣною
Не захотѣлъ купить его!—Прочь древній

Ловецъ звѣрей! и вы своихъ собратій
 Травившіе съ звѣрями наравнѣ—
 Вы, нѣкогда кровавыя лишь твари,
 Теперь такіе-жъ боги, — если ваши
 Жрецы не лгутъ! И ты сѣдая вѣдьма,
 Обагренная кровію солдатъ
 Индійскаго похода!—Прочь!—Гдѣ я?
 Гдѣ призраки?—Нѣтъ, ты—не привидѣнье:
 Тебя-ль отъ мертвецовъ, изъ чорной бездны
 Дерзающихъ вставать на страхъ живымъ,
 Не отличу я?—Мирра!

МИРРА.

Ахъ! ты блѣденъ;
 Твое чело, какъ-бы росой вечерней,
 Все каплями покрыто. Милый, милый!
 Твои слова съ того,—какъ-будто,—свѣта,
 А ты любимъ на этомъ. Успокойся.
 Все, все пройдетъ.

САРДАНАПАЛЬ.

Дай руку; это—тѣло
 Твоей руки; возьми,—сожми,—такъ, крѣпче;
 Дай мнѣ сознать, что я сталъ вновь, чѣмъ былъ.

МИРРА.

Сознай меня такой, по крайней мѣрѣ,
 Какой я есть, и быть должна: твоею.

САРДАНАПАЛЬ.

Теперь я сознаю. Я эту жизнь
 Вновь узнаю. Ахъ, Мирра! я былъ тамъ,
 Гдѣ будутъ всѣ.

МИРРА.

Мой царь!

САРДАНАПАЛЬ.

Я былъ въ могилѣ,
 Гдѣ червяки—цари, и гдѣ цари...
 Но я тому не вѣрилъ; я считалъ
 Все это за ничто.

МИРРА.

И ты былъ правъ.

Несбыточность являться можетъ въ лицахъ
 Однимъ лишь боязливымъ.

САРДАНАПАЛЬ.

Мирра!—ахъ,

Когда намъ сны такія вещи кажутъ,
 То что намъ смерть откроетъ?

МИРРА.

Я не знаю,
 Чтобъ смерть могла открыть такое зло,
 Какого жизнь еще бы не открыла
 Тому, кто жилъ во плоти на землѣ.
 Когда лишь есть страна, гдѣ и по смерти
 Душа живетъ,—тамъ все должно безплотнымъ
 Быть, какъ душа: но если тѣнь отъ этихъ
 Земныхъ оковъ, бродящихъ между небомъ
 И нашими душами, и къ землѣ
 Давящихъ насъ, останется и тамъ,—
 То эта тѣнь,—какой ни предстоятъ бы
 Ей страхъ еще,—по крайней мѣрѣ смерти
 Не будетъ ужь страшиться.

САРДАНАПАЛЪ.

Я ее
 Нисколько не страшуся; но я видѣлъ
 Фалангу мертвецовъ.

МИРРА.

И я видала:
 Весь этотъ прахъ, что мы ногами топчемъ,
 Когда-то жилъ и бѣдствовалъ.—Но дальше:
 Чтожъ видѣлъ ты? рассказывай; ты этимъ
 Померкшій умъ въ сознанье приведешь.

САРДАНАПАЛЪ.

Мнѣ чудилось—

МИРРА.

Нѣтъ, погоди,—ты слабъ,
 Ты изнуренъ отъ боли;—это можетъ
 Разстроить духъ и тѣло; постарайся
 Еще уснуть.

САРДАНАПАЛЪ.

О, нѣтъ! мнѣ будетъ сниться;
 Я не хочу; хоть то, что мнѣ приснилось,
 Теперь я самъ считаю лишь за сонъ:
 И можешь ли ты это перенести?

МИРРА.

Я все могу перенести,—всѣ сны,
 Какіе жизнь, иль смерть послать лишь могутъ,
 Все, все, что я дѣлю съ тобой—въ мечтахъ,
 Иль на-яву.

САРДАНАПАЛЪ.

Я говорю, что это
 Какъ на яву казалось мнѣ, я видѣлъ
 Открытыми глазами, какъ они
 Отсюда исчезали.

МИРРА.

Продолжай.

САРДАНАПАЛЬ.

Я видѣлъ,—нѣтъ,—мнѣ снилось, будто тутъ—
 На этомъ самомъ мѣстѣ—возлежалъ
 Я на пиру; я былъ хозяинъ пира,
 Но милое равенство соблюдая,
 Казался только гостемъ; отъ меня
 Направо и налево—вмѣсто Замы,
 Тебя и всѣхъ гостей обычныхъ нашихъ,
 Тянулся рядъ... и я замѣтилъ слѣва
 Надменный, мрачный, помертвѣлый ликъ,
 Который я хотя не могъ признать,
 Но будто гдѣ-то видѣлъ;—гдѣ—не знаю;
 Онъ былъ гигантъ; глаза его горѣли,
 Но были неподвижны; ниже плечъ
 Волосъ вилися пряди; за спиной
 Висѣлъ колчанъ огромный, полонъ стрѣлъ,
 На счетъ крыла орлиного добытыхъ,
 И сквозь его змѣющихся волосъ
 Сквозившихъ, какъ щетина; я его
 Просилъ наполнить чашу, что стояла
 Межъ нимъ и мной,—но онъ не отвѣчалъ;
 Я налилъ самъ,—онъ не взялъ, но взглянулъ
 Такъ на меня упорно, такъ недвижно,
 Такъ пристально, что я затрепеталъ:
 Тогда я сдвинулъ брови, какъ царю
 Дожно сдвигать,—онъ мнѣ въ отвѣтъ не сдвинулъ
 Своихъ бровей, но продолжалъ хранить
 Все тотъ же видъ невыносимый, страшный
 Своею неподвижностью, и я
 Къ другимъ гостямъ, глядѣвшимъ добродушнѣй
 Направо повернулся, гдѣ привыкъ
 Встрѣчать тебя. Гляжу—

(Онъ останавливается.)

МИРРА.

И видишь.... что?

САРДАНАПАЛЬ.

Тамъ, тамъ, гдѣ я искалъ твой образъ милый,
 Гдѣ ждалъ найти тебя,—гляжу—сѣдая,
 Костлявая, съ кровавыми зрачками,
 Съ запекшеюся кровью на рукахъ,
 Двужильная, могильная, сухая,
 Тварь—женщиной одѣтая, съ короной
 На головѣ, съ морщинистымъ лицомъ,
 Усмѣшкой кровожадной искаженнымъ,

Отъ бѣшенства разврата покошеннымъ,
Сидить:—во мнѣ застыла кровь.

МИРРА.

Тутъ все?

САРДАНАПАЛЪ.

Въ одной рукѣ, въ рукѣ, какъ птичьи когти
Иссохнувшей, она держала чашу
Клубившуюся кровью черезъ край,
Въ другой—другую, съ чѣмъ—я не видалъ,
Я отвернулся. Вдоль-стола сидѣли
Вѣнчанныя все твари разныхъ видовъ,
Но сходныя по выраженью лицъ.

МИРРА.

И ты не сознавалъ, что это было
Простое сновидѣнье?

САРДАНАПАЛЪ.

Нѣтъ: оно

Такъ было осязательно, что я
Къ нимъ могъ бы прикоснуться; я глазами
Отъ одного лица блуждалъ къ другому,
Межъ нихъ найти стараясь хоть одно,
Которое я зналъ бы,—нѣтъ!... Они
Ко мнѣ поворотились и недвижно
Всѣ на меня уставились; никто
Ни ѣлъ, ни пилъ; уставились недвижно
Всѣ на меня:—я сталъ такимъ же камнемъ,
Какъ и они; но не бездушнымъ камнемъ
Какъ и они:—я чуялъ жизнь, да, жизнь,
Въ себѣ и въ нихъ: межъ нами былъ какой-то
Ужасный родъ сочувствія,—какъ будто
Отъ нихъ полсмерти перешло въ меня
И отъ меня полжизни въ нихъ: то былъ
Особый мѣръ съ особымъ бытiемъ
Отличнымъ отъ земного, не похожимъ
На адское.—Скорѣе смерть, всю смерть—
Чѣмъ бытiе такое!...

МИРРА.

Наконецъ?

САРДАНАПАЛЪ.

Такъ я сидѣлъ, какъ мраморъ; вдругъ ловецъ
Во весь свой ростъ встаетъ; за нимъ вся шайка;
Онъ улыбнулся мнѣ;—да,—благородный
Гигантскій ликъ ловца мнѣ улыбнулся, —
Но только лишь губами: взоръ его
Былъ такъ-же неподвиженъ; на устахъ
У женщины мнѣ тоже показалось

Подобіе улыбки.—Вотъ они
 Встаютъ вдвоемъ; всѣ царственныя твари
 За ними вслѣдъ, стараясь обезьянить
 Своихъ вождей; да, обезьянить—даже
 И послѣ самой смерти. Я одинъ
 Не тронулся: отчаянная бодрость
 Вдругъ мною овладѣла; я не сталъ
 Ихъ наконецъ бояться; я въ лицо
 Смѣялся привидѣньямъ... Но тогда,
 Тогда ловець вдругъ протянулъ мнѣ руку;
 Я взялъ ее, хотѣлъ пожать,—она
 Какъ будто бы растаяла, межъ тѣмъ
 Исчезъ и онъ,—оставивъ за собою
 Лишь память о героѣ.

Мирра.

Это былъ

Родоначальникъ племени героевъ,
 Равно и твой.

Сарданапалъ.

Да, Мирра; но старуха,
 Та женщина, та вѣдьма, вдругъ ко мнѣ
 Такъ бѣшено прильнула, и цѣлуя
 Мои уста такъ громко,—жгла ихъ—жгла...
 Изъ чашъ ея, пролитыхъ ею, ядъ
 Текъ справа и текъ слѣва; мнѣ казалось,
 Что двѣ рѣки зловонныхъ наконецъ
 Составилось.—Она ко мнѣ все льнула;
 Какъ рядъ статуй печальныхъ въ нашихъ храмахъ,
 Стояли призраки другіе; но она
 Меня все цѣловала;—наконецъ
 Я вырвался и отскочилъ, какъ будто
 Я былъ ей не потомокъ, а тотъ сынъ,
 Что наказалъ ея кровосмѣшенъе,
 Убивъ ее.—Потомъ—потомъ насталъ
 Хаосъ вещей невыразимо-мерзкихъ,
 Мѣнявшихся такъ быстро, но безличныхъ:
 Я чувствовалъ, но я былъ мертвецомъ,
 Усопшимъ и возставшимъ, былъ червями
 Изъѣденнымъ, очищеннымъ въ огнѣ,
 И въ воздухѣ исчезнувшимъ!—Я дальше
 Не въ силахъ чувствъ своихъ опредѣлить,
 Кромѣ того, что средь моихъ томленій
 Грустилъ я по тебѣ, искалъ тебя,
 Очнулся вдругъ и нахожу тебя.

Мирра.

Такъ близъ себя всегда меня найдешь ты

И здѣсь, и тамъ,—когда не все со смертью
 Кончается. Но позабудь объ этомъ
 Ужасномъ снѣ; онъ слѣдствіе событій,
 Разстроившихъ тѣлесный твой составъ,
 Къ труду не пріученный, между тѣмъ
 Какъ трудъ тобой подъятый—великана
 Могъ изнурить.

Сарданапалъ.

Мнѣ лучше.—Я теперь,
 Какъ вновь тебя увидѣлъ, въ томъ, что видѣлъ,
 Не вижу ничего.

(Входитъ Салимень).

Салимень.

Ужели царь
 Такъ скоро могъ проснуться?

Сарданапалъ.

Да, братъ; я
 Жалѣю, что и спалъ: я видѣлъ тутъ
 Воскресшими всѣхъ прадѣдовъ моихъ,
 За мною приходившихъ; мой отецъ
 Былъ такъ же между нихъ; но онъ меня
 Все избѣгалъ зачѣмъ—то и покинулъ
 Между ловцомъ, нашъ родъ здѣсь основавшимъ,
 И этою женой—мужеубійцей,
 Что ты зовешь великой.

Салимень.

Такъ зову
 Я и тебя,—теперь, какъ показалъ ты
 Такой же духъ. Я снова на разсвѣтѣ
 Иду смирять мятежниковъ отбитыхъ,
 Отброшенныхъ, но не совсѣмъ разбитыхъ.

Сарданапалъ.

Въ какой мы части ночи?

Салимень.

Темнота

Еще продлится нѣсколько часовъ;
 Употреби ихъ съ пользою—на отдыхъ.

Сарданапалъ.

Въ другую ночь, коль эта не прошла:
 Я въ этомъ снѣ, казалось мнѣ, провелъ
 Часы, часы....

Мирра.

Едва одинъ лишь часъ;
 Я тутъ была: то былъ тяжелый часъ,
 Но только часъ.

Сарданапалъ.

Такъ мы совѣтъ откроемъ:
Мы утромъ выступаемъ.

Салименьъ.

Но покуда
Я милости просить пришелъ.

Сарданапалъ.

Она

Дана тебѣ.

Салименьъ.

Ты выслушалъ бы прежде,
Потомъ бы далъ; и говорить хочу я
Съ однимъ тобою.

Мирра.

Князь, я ухожу.

(Уходитъ).

Салименьъ.

Теперь раба достойна быть свободной.

Сарданапалъ.

Свободной быть?—Теперь раба достойна
Участницей быть трона.

Салименьъ.

Потерпи—

Нока другой онъ занять, и какъ разъ
Я говорить хочу съ тобой объ ней.

Сарданапалъ.

Какъ! о царицѣ?

Салименьъ.

Да. Я разсчиталъ,
Что ей съ дѣтьми гораздо безопаснѣй
Отправиться теперь же, до разсвѣта,
Отселъ въ Пафлагонію, гдѣ Котта—
Нашъ родственникъ, правителемъ: тамъ жизнь
Твоихъ дѣтей, племянниковъ моихъ,
Вполнѣ обезопасена, а съ нею
И ихъ права законныя на тронъ,
На случай, если—

Сарданапалъ.

Я паду; а это
Теперь такъ вѣроятно; хорошо
Придуманно; дать имъ отрядъ надежный
И поскорѣй отправить.

Салименьъ.

Это все
Устроено; галера на Евфратѣ

Стоитъ давно; но прежде, чѣмъ разстаться,
Не хочешь ли ты видѣть—

Сарданапалъ.

Сыновей?—

Малютки будутъ плакать; это можетъ
Меня обезоружить; чѣмъ могу я
Утѣшить ихъ, кромѣ пустыхъ надеждъ,
Натянутыхъ улыбокъ?—притворяться
Я не могу, ты знаешь.

Салимень.

Но ты можешь,—

Надѣюсь,—чувствовать; не правдаль? словомъ:
Царица проситъ—на тебя взглянуть,
Пока вы не растались—навсегда.

Сарданапалъ.

Къ чему? какая цѣль? я ей даю...
Все, что она—способна лишь желать...
Но эта встрѣча—

Салимень.

Царь! ты знаешь женщинъ,

Иль долженъ знать; ты съ рѣдкимъ постоянствомъ
Ихъ изучалъ: когда они желаютъ
Чего-нибудь такого, въ чемъ ихъ сердце
Замѣшано, такъ это для ихъ чувствъ,
Иль ихъ причудъ, дороже всей вселенной.
Твой взглядъ на счетъ желанія сестры
Я раздѣляю самъ; но тѣмъ не меньше
Оно ея желанье,—я ей братъ,—
Она твоя жена,—такъ чтожь—позволишь?

Сарданапалъ.

Все это бесполезно: но вели—
Пускай придетъ.

Салимень.

Иду.

(Уходитъ).

Сарданапалъ.

Мы слишкомъ долго

Съ ней жили врозь, чтобъ встрѣтиться опять
И встрѣтиться теперь. Еще ли мало
Страдаю я! Еще ли не довольно
Мнѣ этихъ мукъ! И почему должны мы
Дѣлить печаль, когда любви не дѣлимъ?

(Входятъ: Салимень и Зарина).

Салимень.

Сестра! смѣлуй: не позабудь какая
Въ тебѣ струится кровь и отъ кого

Мы родъ ведемъ.—Царица, государь,
Передъ тобой.

Зарина.

Я умоляю, братъ,

Оставь меня.

Салименъ.

Коль ты объ этомъ просишь...
(Уходитъ).

Зарина.

Я съ нимъ!—одна! какъ много лѣтъ прошло,—
Хоть мы еще такъ молоды,—съ тѣхъ поръ
Какъ сердцемъ овдовѣла я, какъ съ нимъ
Не видѣлась.—Онъ не любилъ меня:
Но онъ не измѣнился,—измѣнился
Къ одной лишь мнѣ;—о, еслибъ перемѣна
Была хотя взаимной!—Онъ меня
Почти не замѣчаетъ;—онъ со мною
Не говоритъ:— ни слова и ни взгляда.
Межъ тѣмъ онъ былъ такъ кротокъ и доступенъ
И голосомъ и видомъ; хоть небреженъ,
Но не суровъ.—Властитель мой!

Сарданапалъ.

Зарина!

Зарина.

Зарина! нѣтъ,—не говори Зарина.
О, этотъ звукъ уничтожаетъ разомъ
Дни долгіе, и вещи, отъ которыхъ
Дни столькихъ лѣтъ казались мнѣ годами.

Сарданапалъ.

Теперь такъ поздно вспоминать объ этихъ
Минувшихъ снахъ.—Оставимъ укоризны—
Оставь,—хочу сказать я,—укоризны
На этотъ разъ—

Зарина.

И первый и послѣдній:

Я никогда тебя не укоряла.

Сарданапалъ.

О это слишкомъ вѣрно: твой упрекъ
Поэтому ложится мнѣ на сердце
Гораздо тяжелѣе, чѣмъ когдабъ...
Но мы въ своемъ невластны сердцѣ.

Зарина.

Такъ же,

Какъ и въ рукѣ; межъ тѣмъ я безраздѣльно
Ихъ отдала.

САРДАНАПАЛЪ.

Мнѣ братъ твой говорилъ,
 Что этого свиданья *ты* желала;
 Такъ какъ тебѣ покинуть Ниневію
 Должно съ своими—

(*Колеблется*).

Зарина.

Съ нашими дѣтьми:

Да, это такъ; я быть къ тебѣ хотѣла
 Признательной за то, что это сердце
 Ты не со всѣмъ разрознилъ, что ему
 Любить теперь осталось; ты оставилъ
 Со мною тѣхъ, которыхъ называю
 Я *нашими*, которые похожи
 Такъ на тебя, которые глядятъ
 Съ такою же любовію мнѣ въ очи,
 Какъ ты глядѣлъ когда-то... Но они,
 Они не измѣнились.

САРДАНАПАЛЪ.

Никогда

И не должны. Я видѣть ихъ желаю
 Покорными.

Зарина.

Я ихъ люблю—малютокъ

Не только лишь какъ нѣжная ихъ мать,
 Но и супруга нѣжная, одною
 Любовію живущая: межъ нами
 Вся связь теперь заключена лишь въ нихъ,

САРДАНАПАЛЪ.

Сокрой отъ нихъ, что я передъ тобою
 Несправедливъ: старайся имъ внушить
 Примѣры братъ изъ вашей родословной,
 Чѣмъ съ ихъ отца.—Я ввѣрилъ ихъ тебѣ;
 Ты къ трону пригодишь ихъ; но если
 Престоль для нихъ утраченъ—ты слыхала
 О безпорядкахъ этой ночи?

Зарина.

Я

Совсѣмъ почти забыла и моглабъ
 Благословить бѣду какую хочешь,—
 Кромѣ твоей,—которая дала
 Мнѣ случай вновь лицо твое увидѣть.

САРДАНАПАЛЪ.

Престоль,—я говорю не изъ боязни,—
 Престоль въ опасности; быть можетъ, дѣтямъ
 На немъ не быть, но пусть они отъ правъ

Своихъ не отрекуются; я отважусь
 На все, чтобъ ихъ за ними утвердить.
 Но если я паду,—они должны—
 Должны ихъ возвратить, и возвративъ,
 Ихъ сохранять разумно, а не такъ,
 Какъ я моей порфирой помыкалъ.

Зарина.

Я передать берусь и въ состояннхъ
 Имъ только то, что памяти отца ихъ
 Приносить честь.

Сарданапалъ.

Пускай они узнаютъ
 Всю истину скорѣе отъ тебя,
 Чѣмъ по молвѣ презрительной; когда
 Имъ суждено въ несчастнхъ жить, они
 Пресытятся презрѣннхъ толпы
 Къ развѣнчаннхъ монархамъ; всѣ ошибки,
 Несчастнхъ отцовъ падутъ на нихъ.
 Малютки!—ахъ!—не будь лишъ ихъ, я все бы—
 Все перенесъ.

Зарина.

Увы! не говори—
 Не отравляй послѣдннхъ мой покой
 Раскаяннхъ, что ты отецъ. Быть можетъ,
 Ты побѣдишь,—они царями будутъ,
 И будутъ чтить того, кто спасъ имъ царство,
 Которымъ самъ такъ мало дорожилъ.
 Но ежели—

Сарданапалъ.

Его я потеряю,
 Тогда земля отъ крику надорвется:
 Отца благодарите!—и они
 На этотъ крикъ проклятнхъ отвѣтятъ.

Зарина.

Нѣтъ этого не будетъ; тотъ довольно
 Свое прославилъ имя, кто поцарски
 Кончая жизнь, въ ея послѣдннхъ часъ
 Для своего безсмертнхъ сдѣлалъ больше,
 Чѣмъ многіе царн во много лѣтъ,
 Во много лѣтъ, продлившихъ только время,—
 Не лѣтописи—царства.

Сарданапалъ.

Можетъ быть
 Намъ суждено послѣдннхъ страницу
 Закончить въ нихъ: но чѣмъ бы ни казалось

Прошедшее, мы сдѣлаемъ конецъ ихъ
Подобнымъ ихъ началу—*незабвеннымъ*,
Зарина.

Лишь береги себя, будь остороженъ;
Живи для тѣхъ, которые такъ любятъ.

Сарданапалъ.

Да кто они?—раба, любовь которой
Есть только страсть,—я не скажу тщеславье,—
Мой тронъ дрожить,—межъ тѣмъ она все любитъ;
Немногіе друзья, которыхъ я
Съ собой равнялъ средь оргій, но которымъ
Ничтожество грозитъ съ моимъ паденьемъ;
Достойный братъ, котораго такъ часто
Я оскорблялъ; да дѣти, о которыхъ
Позабывалъ—да наконецъ жена—

Зарина.

Которая все любитъ—

Сарданапалъ.

И прощаетъ?

Зарина.

Я никогда не думала объ этомъ;
Но такъ какъ я тебя не обвиняла,
То не могу прощать.

Сарданапалъ.

Жена! жена.

Зарина.

О, будь благословенъ за это слово!
Не думала его уже услышать
Я отъ тебя.

Сарданапалъ.

Увы!—но ты услышишь
Его отъ подданныхъ моихъ.—Да, эти
Рабы, которыхъ я питалъ, лѣлѣялъ,
Пресытилъ миромъ, окормилъ довольствомъ,
Царями всѣхъ подѣлалъ,—да, царями
Въ ихъ собственныхъ домахъ,—теперь кишать
Мятежными роями, просятъ смерти
Того, кто жизнь ихъ сдѣлалъ юбилеемъ.
Межъ тѣмъ немногіе, хотя такъ много
Обиженные мною, мнѣ вѣрны!
Чудовищно,—но это такъ.

Зарина.

Быть можетъ—

Тутъ ничего нѣтъ страннаго: добро
Въ дурныхъ рукахъ становится отравой.

Сарданапалъ.

А добрыя зло обращаютъ въ благо,
Бывъ болѣе счастливы, чѣмъ пчела,
Которая свою собираетъ ношу
Съ однихъ цвѣтовъ цѣлебныхъ.

Зарина.

Такъ бери
Душистый медъ откудабъ онъ ни шелъ.
Доволенъ будь; тебя еще не всѣ
Покинули.

Сарданапалъ.

Порукой въ этомъ то,
Что я живу. Ужель ты допускаешь,
Что переставъ царемъ быть, я быть смертнымъ
Еще могу? быть тутъ, хочу сказать я,
Межъ смертными, не тамъ гдѣ будетъ смертный.

Зарина.

Ты долженъ жить, ты будешь жить для той...
Живи, сказать хочу я, для дѣтей.

Сарданапалъ.

Обиженный, но добрый другъ! Зарина!
Я жалкій рабъ случайности, игрушка
Носимая по прихоти вѣтровъ.
Не кстатн тронъ, — не кстатн жизнь дана мнѣ.
Не знаю чѣмъ я могъ бы быть, — но знаю,
Что я не то, чѣмъ долженъ быть. Пора
Покончить все. — Но я скажу тебѣ:
Я не рожденъ, — чтобъ оцѣнить дары
Такой любви, такой души, съ какими
Ты рождена, ни даже упиваться
Твоею красотою, такъ, какъ я
Столь меньшимъ совершенствомъ упивался.
И почему?.. Лишь по одной причинѣ,
Что преданность къ тебѣ была мой долгъ,
А я такъ ненавиждѣлъ все, что цѣпи
Могло напоминать не только мнѣ,
Но и другимъ, — что подтвердить обязанъ
И самый бунтъ; — но вотъ мои слова,
И, можетъ быть, послѣднiя: никто
Такъ искренно тебя за добродѣтель
Не уважалъ, какъ я, хоть я не нажилъ
И тутъ добра: такъ бѣдный рудокопъ,
Наткнувшiйся на дѣвственную жилу
Разсыпчатого золота, находитъ
Кладъ бесполезный для себя. что нужды,
Что онъ нашелъ находку? — не ему

Находкой обладать, а господину,
 Которымъ онъ приставленъ лишь копать,
 А не дѣлить богатство, что блистаетъ
 У ногъ его: ни взять его не смѣтъ,
 Ни даже взвѣсить онъ и, хоть съ проклятемъ,
 Обязанъ рыть неблагодарный грунтъ.

Зарина.

Ахъ! если ты мою любовь находишь
 Достойной уваженья наконецъ,
 То все, что я прошу, — рѣшимся вмѣстѣ
 Уйти отсель. — О, мы—ты дозволяешь
 Сказать мнѣ мы, мы будемъ счастливы!
 Вселенная просторнѣй Ассиріи;
 Мы создадимъ особый міръ, мы будемъ
 Счастливыѣ, чѣмъ я была доселѣ,
 Не только я, и ты съ громаднымъ царствомъ
 Своихъ льстецовъ.

(Входитъ Салимень).

Салимень.

Я разлучить васъ долженъ;
 Такихъ минутъ мы тратить такъ не можемъ
 И не должны.

Зарина.

Безчеловѣчный братъ!
 Какъ можешь ты высчитывать мгновенья,
 Столь полныя блаженства?

Салимень.

Какъ! блаженства?

Зарина.

Онъ такъ былъ добръ со мною, что я думать
 Теперь о разставаньи не могу.

Салимень.

Вотъ женскія прощанья: всѣ они
 Кончаются рѣшимостью остаться.
 Я это зналъ и противъ всѣхъ предчувствій
 Лишь уступилъ. Но этому не быть.

Зарина.

Не быть?

Салимень.

Останься и погибни.

Зарина.

Вмѣстѣ

Съ моимъ супругомъ.

Салимень.

И съ дѣтьми.

Зарина.

Увы!

Салимень.

Сестра! такъ колебаться—недостойно
 Моей сестры: для твоего спасенья
 Готово все, спасай дѣтей, въ которыхъ
 Послѣдняя надежда наша. Тутъ
 Не чувствъ однихъ касается лишь дѣло,—
 Хотя и это много,—но вопросъ
 Тутъ государственный. Бунтовщики
 Предпримуть все, чтобъ овладѣть потомствомъ
 Законнаго царя ихъ, чтобъ затѣмъ
 Покончить разомъ—

Зарина.

Ахъ! останови съ.

Салимень.

Такъ выслушай меня: какъ скоро мы
 Спасти дѣтей успѣемъ отъ захвата,
 Бунтовщики теряютъ весь свой планъ,
 Основанный на истребленьи рода
 Немворова. Положимъ, что низвергнутъ
 Они царя; царь сыновей оставитъ
 Для мщенья и побѣды.

Зарина.

Такъ нельзя ли

Мнѣ съ нимъ одной остаться?

Салимень.

Какъ! младенцевъ

Отца и мать имѣющихъ, столь малыхъ,
 Такъ далеко, на сторонѣ чужой,
 Оставить сиротами?

Зарина.

Нѣтъ! во мнѣ

Изнемогаетъ сердце.

Салимень.

Выбирай

Теперь сама; ты знаешь все.

Сарданапалъ.

Зарина!

Онъ справедливъ; и уступить должны мы
 Такой необходимости на время.
 Оставшись тутъ, ты все утратить можешь;
 Бѣжавъ отсель, ты сохранишь хоть то,
 Чтò самаго безцѣннаго осталось
 И намъ съ тобой, и всѣмъ сердцамъ правдивымъ,
 Пока неизмѣнившимъ намъ.

САЛИМЕНЪ.

Пора.

САРДАНАПАЛЪ.

Прощай же; если мы когда нибудь
Увидимся, я болѣе достоинъ
Тебя, быть можетъ, буду;—еслижъ нѣтъ,
То вспоминай, что всѣ мои пороки,
Какъ ни были они неисправимы,
Окончены. Но вотъ что,—я боюсь
Не больше ль ты способна сокрушаться
О томъ, что такъ позорны прахъ и имя,
Которыя такъ были всемогущи
Когда-то въ Ассиріи, чѣмъ... Но я
Вновь поддаюся чувству, между тѣмъ
Какъ долженъ быть безчувственъ, какъ скала.
Вотъ такъ и всѣ вины мои... простыя
Лишь слабости. Скрой эти слезы; я
Не говорю: не лей ихъ; было бъ легче
Остановить Евфратъ въ его истокъ,
Чѣмъ удержать одну слезу подъ сердцемъ
Столь правымъ и столь нѣжнымъ; но не лей
Ихъ предо мной: не то мои усилія,
Чтобъ перестать быть женщиной, напрасны.
Братъ, уведи ее.

ЗАРИНА.

О боги! боги!

Я никогда его ужь не увижу.

САЛИМЕНЪ, *(стараясь увести ее)*.

Сестра, пойдѣмъ; ты слышишь—мнѣ велятъ.

ЗАРИНА.

Ты слышишь: прочь! Я остаюся. Какъ!
Онъ умирать останется одинъ?
Я жить одна останусь?

САЛИМЕНЪ.

Не одинъ

Онъ умирать останется; но ты
Года жила съ нимъ розно.

ЗАРИНА.

Ложь! я знала,
Что онъ живетъ; его любезный образъ
Со мною жилъ. Оставь меня.

САЛИМЕНЪ, *(увлекая ее)*.

Такъ я,
Какъ братъ, употребляю силу; ты
Должна простить мнѣ.

Зарина.

Никогда! Спасите!

Сарданапалъ, ужель ты позволяешь
Такъ изгонять меня отсель? Ахъ!

Салимень.

Пойми жь, что мы погубимъ все, коль это
Мгновенье потеряемъ.

Зарина.

У меня

Кружится голова, — темнѣетъ взоръ —
Гдѣ онъ? *(Лишается чувствъ).*

Сарданапалъ.

Постой. Будь съ нею остороженъ;
Она мертва и ты убилъ ее.

Салимень.

Она лишь ослабѣла отъ избытка
Печали непомѣрной: воздухъ вновь
Притти въ себя поможетъ ей. Прошу,
Уйди отсель.

(Въ сторону).

Я этою минутой

Воспользоваться долженъ, чтобъ ее
Перенести на царскую галеру,
Готовую отплыть съ ея дѣтьми.

(Салимень уноситъ ее).

Сарданапалъ, *(одинъ).*

Такъ вотъ что я, такъ вотъ что перенести
Еще обязанъ, я, — кто никогда
Намѣренно не оскорбилъ ни разу
Живой души. Но что я говорю?
Она меня любила и я самъ
Ее людилъ. О, роковая страсть!
Зачѣмъ не вдругъ погасла ты въ сердцахъ,
Которыя зажгла ты вдругъ? Зарина!
Я дорого плачу за то, что сдѣлалъ
Печальною пустыней грудь твою.
Будь я всегда твоей любви лишь вѣренъ,
Я бъ и досель достойнымъ былъ монархомъ
Почтительныхъ народовъ. Что за бездна
Грозитъ тому, кто путь прямого долга
Пренебрежетъ, будь онъ рожденъ съ правами
На уваженъе міра! Что права
Тому, кто правъ лишаетъ самъ себя?

(Входитъ Мирра).

Зачѣмъ? кто звалъ тебя?

МИРРА.

Никто; но я
Издалека слыхала плачь и стоны
И думала —

САРДАНАПАЛЪ.

Пока тебя не звали
Ты не была обязана нисколько
Входить сюда.

МИРРА.

Хотя я и могла бы
О болѣе привѣтливыхъ рѣчахъ,
Хоть такъ же мнѣ съ укоромъ говоренныхъ,
Припомнить, можетъ быть, — когда меня
Ты укорялъ за то, что я боялась
Входить къ тебѣ безъ зова, и что я
Наперекоръ и собственному чувству
И всѣмъ твоимъ внушеньямъ — никогда
Не разбирать ни времени, ни мѣста,
Ни лицъ, ни обстоятельствъ, а входить
Незваную къ тебѣ, — все не могла
На столько смѣлой быть: я ухожу.

САРДАНАПАЛЪ.

Ты здѣсь, такъ погоди. Я умоляю —
Прости меня: я такъ теперь разстроенъ,
Такъ огорченъ... но не гляди на это:
Я не замедлю стать самимъ собой.

МИРРА.

Я этого рѣшаюсь ждать съ терпѣньемъ,
Увижу съ удовольствіемъ.

САРДАНАПАЛЪ.

За мигъ

Предъ тѣмъ, какъ ты вошла сюда, отсель
Царица Ассиріи выходила,
Заріна.

МИРРА.

Ахъ!

САРДАНАПАЛЪ.

Чего ты содрогнулась?

МИРРА.

Я содрогнулась?

САРДАНАПАЛЪ.

Счастіе, что ты
Вошла въ другую дверь, иначе, вы
Могли бы повстрѣчаться. Пусть она
Избавлена хотя отъ этой пытки.

МИРРА.

Какъ я ее жалю!

САРДАНАПАЛЬ.

Это слишкомъ,
И вопреки природѣ; быть взаимнымъ,—
Возможнымъ быть нельзя такому чувству;
Какъ можешь ты жалѣть ее, когда
Она, межъ тѣмъ, должна лишь —

МИРРА.

Презирать

Любимую рабыню? Но не столько,
Чѣмъ сколько я сама себя гнушаюсь.

САРДАНАПАЛЬ.

Гнушаешься! быть гордостію женщинъ
И госпожей надъ чувствами того
Кто господинъ вселенной?

МИРРА.

Еслибъ ты

Имѣлъ такихъ вселенныхъ двадцать тысячъ, —
Хоть и одна, которой ты владѣешь,
Грозить тебѣ потерей,—то себя
Я все бы унижала,—бывъ твоею
Наложницей,—не меньше, чѣмъ когдабъ
Ты былъ простолюдинъ, и даже больше:
Когдабъ ты былъ простолюдинъ и грекъ.

САРДАНАПАЛЬ.

Ты это говоришь?

МИРРА.

И думаю.

САРДАНАПАЛЬ.

Все возстаетъ въ суровый часъ паденья
На падшаго: но такъ какъ не совсѣмъ
Я палъ еще, и такъ какъ неохотно
Я слушаю укоры, можетъ быть
Лишь потому, что я ихъ слишкомъ часто
Заслуживалъ,—то лучше намъ разстаться,
Пока межъ насъ хранится миръ.

МИРРА.

Разстаться!

САРДАНАПАЛЬ.

Не всѣ ль сердца любившія когда-то
Разстались? И не должны ль разстаться
Когда-нибудь всѣ любящія нынѣ?

МИРРА.

Но для чего?

САРДАНАПАЛЪ.

Для твоего спасенья.

Я отпустить—съ прикрытіемъ надежнымъ—
Хочу тебя на родину; я дамъ
Тебѣ дары, которые составятъ,—
Хоть ты и не была вполнѣ царицей, —
Приданое достойное царей.

МИРРА.

Не говори со мною такъ,— прошу.

САРДАНАПАЛЪ.

Я отпустилъ царицу: ты стыда
Не наживешь, послѣдуя за ней,
Я пасть хотѣлъ одинъ бы. Я съ друзьями
Хотѣлъ всегда дѣлить лишь наслажденье.

МИРРА.

Я одного хочу лишь наслажденья—
Остаться тутъ. Ты не захочешь силой
Прогнать меня.

САРДАНАПАЛЪ.

Подумай хорошенько,
Иль скоро будетъ поздно.

МИРРА.

Поздно? пусть.

Ты разлучить тогда не въ силахъ будешь
Меня съ собой.

САРДАНАПАЛЪ.

И не хочу; я думалъ, —
Ты этого сама желала.

МИРРА.

Я!

САРДАНАПАЛЪ.

Ты о своемъ паденьи говорила.

МИРРА.

Но я его и чувствую такъ живо...
Какъ ничего не чувствую на свѣтѣ,
Кромѣ любви.

САРДАНАПАЛЪ.

Бѣги же отъ него.

МИРРА.

Прошедшаго я тѣмъ не уничтожу,
Не возвращу ни честь мою, ни сердце.
Паду, или возстану—здѣсь. Какъ скоро
Ты побѣдишь, я буду жить, твоею
Побѣдой упиваясь; еслижъ жребій
Твой не таковъ, я не оплачу только,

Но раздѣлю его съ тобою. Ты
За часъ назадъ во мнѣ не сомнѣвался:

САРДАНАПАЛЪ.

Въ геройствѣ никогда; въ твоей любви
До этихъ поръ,—и въ этомъ усомниться
Лишь ты сама могла меня заставить.
Твои слова —

МИРРА.

Слова.—Ты удостоилъ

Почтить хвалою дѣла мои не дальше,
Какъ въ эту ночь; я это поведенье
Не измѣню, какая бы судьба
Тебя не ожидала.

САРДАНАПАЛЪ.

Я доволенъ

И, вѣря въ правоту свою, надѣюсь
Быть побѣдителемъ и водворить
Спокойствіе—единственный трофей,
Какого я желаю: для меня
Ни славы нѣтъ въ войнѣ, нѣтъ ни въ побѣдѣ
Величія. Поддерживать оруженъ
Свои права... о, это тяжалѣй
Мнѣ давить грудь, чѣмъ вся неблагодарность,
Которою хотѣли бѣ эти люди
Сломить меня. Нѣтъ, никогда не въ силахъ
Забуть я этой ночи, никогда,—
Хотябъ мнѣ жить пришлось лишь для того,
Чтобъ въ памяти другихъ ее оставить.
Я помышлялъ, что лѣтописи міра
Кровавыя—мое правленье будутъ
Считать эпохой мира, оазисомъ
Среди вѣковъ пустынныхъ, что потомки
Съ улыбкою покоить будутъ взоры
Свои на немъ, стараясь соблюдать
Блаженное наслѣдство, иль его
Утративши, вздыхать не перестанутъ,
Что золотой Сарданапаловъ вѣкъ
Невозвратимъ. Я помышлялъ, что сдѣлалъ
Мои владѣнья раемъ, что луна
Свѣтила въ нихъ затѣмъ лишь, чтобъ эпохи
Различныхъ наслажденій измѣрять.
Я принималъ безумной черни крики
За преданность,—слова друзей мнѣ льстившихъ
За истину,—уста моихъ красавицъ

*

За высшую награду... Да и точно
 Въ нихъ есть награда: поцалуй меня.
 (*Цалуетъ Мирру*).

Пусть у меня берутъ теперъ и царство
 И жизнь мою. Все это взять возможно, —
 Но никогда — тебя.

МИРРА.

Нѣтъ ! никогда.

Все человекъ ограбить въ состояньи
 У своего собрата человекъ —
 Величье и славу: могутъ троны
 Разрушиться, — войска поколебаться, —
 Рабы уйти, — друзья друзей оставить, —
 Всѣ измѣнить — и часто прежде всѣхъ
 Тѣ, для кого мы сдѣлали всѣхъ больше, —
 Но не душа, которая любила
 Не за корысть. И такова моя;
 Подвергни испытанью.

(*Входитъ Салимень*).

САЛИМЕНЬ.

Я искалъ

Тебя. — Она опять тутъ?

САРДАНАПАЛЬ.

Погоди, —

Неукорай: одно твое лицо
 Мнѣ говоритъ о дѣлѣ больше важномъ,
 Чѣмъ то, что ты тутъ женщину находишь.

САЛИМЕНЬ.

Та женщина, которой озабоченъ
 Я въ этотъ мигъ, теперъ ужъ безопасна —
 Царица отпала.

САРДАНАПАЛЬ.

Но какъ ? Скажи —

Она здорова ?

САЛИМЕНЬ.

Да; ея припадокъ
 Внезанный миновалъ; по крайней мѣрѣ
 Онъ перешелъ въ безмолвную печаль.
 Вся блѣдная, едва взглянувъ на спящихъ
 Своихъ дѣтей, она къ дворцовымъ башнямъ
 Печальный взоръ недвижно приковала;
 А между тѣмъ проворную галеру
 Сердитый токъ въ виду свѣтилъ небесныхъ
 Все уносилъ изъ виду. — Но она
 Молчала до конца.

САРДАНАПАЛЪ.

Я знаю все,
Я чувствую—о чемъ она молчала.

САЛИМЕНЪ.

Я знаю то, что этимъ позднимъ чувствомъ
Ты ни одной не заживишь ей раны.
Такъ обратись къ событіямъ: халдейцы
И мидяне вновь въ боевой порядокъ
Приведены мятежными вождями;
По ихъ рядамъ сомкнутымъ можно думать,
Что цѣль у нихъ — устроить нападенье:
Я убѣжденъ, что новые сатрапы
Пристали къ нимъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Какъ! новая измѣна?
Такъ нападать мы первые начнемъ.

САЛИМЕНЪ.

Я нахожу, что это безразсудно,
Хотя сперва я самъ тогожь былъ мнѣнья.
Когда войска, къ которымъ я надежныхъ
Гонцовъ послалъ, вокругъ полудня завтра
Къ намъ подойдутъ, мы будемъ въ состояннѣ,
Какъ сдѣлать нападенье, такъ и въ бѣгство
Ихъ обратить; до тѣхъ же поръ—совѣтъ мой—
Ждать приступа.

САРДАНАПАЛЪ.

Я ненавижу эту
Медлительность; я знаю, что вѣрнѣе
Сражаться за высокими стѣнами,
Свергать враговъ въ глубокіе окопы,
Иль видѣть ихъ торчащими на кольяхъ,
Разставленныхъ для нихъ, но не люблю
Я этого; я потеряю тотчасъ
Терпѣніе; когда же нападенье
Я самъ начну,—засядь они въ твердыню
На гребнѣ горъ отвѣсныхъ,—все до нихъ
Я доберусь, или паду въ порывѣ
Высокихъ чувствъ.—Веди меня на приступъ.

САЛИМЕНЪ.

Ты говоришь, какъ молодой солдатъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Я не солдатъ, я человѣкъ; ни слова
Мнѣ о солдатствѣ; я—и это званье,
И тѣхъ, кто имъ гордится,—презираю,
Скажи лишь мнѣ, гдѣ я могу найти ихъ?

Салимень.

Ты жизнь свою не долженъ такъ поспѣшно
Отваживать; она не то—что жизнь
Моя иль чья другая: вся война
Вращается на ней, изъ-за нее,
Она одна зажгла ее, и можетъ
Раздуть ее, иль погасить ее,
Продлить ее, иль кончить.

Сарданапалъ.

Такъ покончимъ

Съ обѣими! Быть можетъ это лучше,
Чѣмъ длить ихъ бесполезно... мнѣ притивна
Одна изъ нихъ, а можетъ быть и обѣ.

(Слышенъ звукъ трубы).

Салимень.

Чу! слушай.

Сарданапалъ.

Нѣтъ, давай имъ отвѣчать,

Чѣмъ слушать ихъ.

Салимень.

А рана, государь, твоя?

Сарданапалъ.

Забита, — перевязана, — прошла. —
Идемъ! меня—иголка оцарапаетъ
Моглабъ больнѣй; рабъ, сдѣлавшій мнѣ рану,
Безславія достоинъ за свою
Царапину.

Салимень.

О, еслибъ и теперь

Никто тебя больнѣй не оцарапнулъ!

Сарданапалъ.

Да; если мы останемся съ побѣдой;
А если нѣтъ,—рабы мнѣ предоставятъ
Исполнить трудъ, котораго ихъ царь
Могъ ждать отъ нихъ. Идемъ!

Салимень.

Я не отстану.

Сарданапалъ.

Мои доспѣхи, гей! Мои доспѣхи!

(Уходятъ).

АКТЪ ПЯТЫЙ.

СЦЕНА I.

Та же дворцовая палата

МИРРА и БАЛЕА.

МИРРА. (*У окна.*)

Ну-вотъ и день. Какая ночь предтечей
 Ему была! Какъ хороша на небѣ! —
 Мгновенная гроза не помѣшала
 Остаться ей прекрасной. — Какъ ужасна
 Была она подъ небомъ! гдѣ любовь,
 Надежда, миръ и шумное веселье
 Страстями челоуѣка въ *часъ одинъ*
 Приведены въ такой хаосъ, что *вѣчность*
 Его стихій не въ силахъ раздѣлить. —
 Война горитъ. — Какъ можешь ты, о солнце,
 Изъ-за такихъ багряныхъ облаковъ
 Вставать съ такимъ сіяніемъ! — Ихъ видъ
 Прекраснѣе безоблачнаго неба.
 Вотъ снѣговья горы, вотъ гряды
 Багровыхъ волнъ, точь въ точь на океанѣ,
 Вотъ башни златоверхія изъ нихъ
 Свиваются — воздушныя созданья
 Столь сходныя съ земными, что мы въ нихъ
 Могли бы ошибаться, лишь не будь
 Они такъ мимолетны, что едва
 Мы ихъ назвать видѣнными лишь можемъ:
 Такъ ихъ полетъ на вѣчномъ этомъ сводѣ
 Неуловимъ. — А между тѣмъ все это
 Такъ дѣйствуетъ на душу, такъ съ душою
 Сливаётся, такъ проникаетъ въ душу,
 Что мы часы восхода и заката
 Привыкли почитать порой любви
 И молчаливой грусти: двухъ родныхъ
 Между собою геніевъ, порой
 Въ насъ душу возвышающихъ, порой
 Въ насъ сердце укоряющихъ, но такъ,
 Что мы на всѣ неистовые крики
 Веселія не промѣняемъ ихъ
 Безмолвныхъ укоризнъ. Кто этимъ мирнымъ
 Богинямъ не служилъ, тотъ не знакомъ
 Съ волшебными дворцами, гдѣ усердный
 Поклонникъ ихъ находитъ миръ и счастье,

Хотя на мигъ; — но этотъ мигъ отрадный
 Ему съ собой приносить столько неба,
 Что скучные, тяжелые часы
 Вседневные среди блаженныхъ грёзъ
 Проводить онъ не вовсе безотрадно.
 Что нужды въ томъ, что межъ своихъ собратій,
 Подобно имъ, онъ терпитъ тяготу
 Труда и наслажденья... два названья
 Для одного лишь чувства... мы хотимъ
 Въ своей тоскѣ глубокой, безпокойной
 Разнообразить звукъ, какъ будто намъ
 Довольно обмануть себя, чтобъ быть
 Счастливыми. Напрасно! все напрасно!

БАЛЕА.

Спокойна и задумчива; возможно ль
 Такъ солнечнымъ восходомъ любоваться,
 Когда для насъ онъ можетъ быть послѣднимъ?

МИРРА.

Я потому имъ и люблюсь такъ,
 И этотъ взоръ, — которому, быть можетъ,
 Ужь имъ не любоваться, — укоряю
 За то, что онъ такъ часто на него
 Глядѣлъ безъ упоенья... безъ любви
 Къ чудесному свѣтилу, что одно
 Мѣшаетъ быть землѣ такой же брэнной,
 Какъ ты и я. — Приди, взгляни на это
 Царь — божество халдейское... чѣмъ больше
 Я на него гляжу, тѣмъ становлюсь
 Все болѣе поклонницей Ваала.

БАЛЕА.

Какъ въ небесахъ онъ царствуетъ теперь,
 Такъ нѣкогда онъ управлялъ землею.

МИРРА

Онъ царствуетъ досель надъ ней, — и лучше,
 Чѣмъ нѣкогда: дай мнѣ царя земнаго,
 Который бы имѣлъ хоть половину
 Столь мирнаго величія и славы,
 Которыя въ одномъ его лучѣ
 Выѣщаются.

БАЛЕА.

Воистину онъ богъ!

МИРРА.

Такъ думаютъ и греки; но порою
 Мнѣ кажется, что этотъ чудный шаръ
 Скорѣй боговъ безсмертное жилище,
 Чѣмъ равный имъ властитель. — Вотъ сторожить

Онъ облака; вотъ ослѣпляетъ блескомъ
Мои глаза,—весь застилаетъ мiръ.—
Я не могу глядѣть ужь на него.

БАЛЕА.

Чу! стой!—ты ничего не слышишь!

МИРРА.

Нѣтъ, ничего; мечта! они дерутся
Теперь ужь за стѣнами, а не такъ
Какъ въ эту ночь—среди дворцовыхъ комнатъ:
Съ того часа обиднаго дворецъ
Сталъ крѣпостью,—и здѣсь—въ его срединѣ,
Громадными дворами обнесенной
И царскими покоями, которымъ
Конца не видитъ глазъ, и по которымъ
Они должны пройти поочередно,
За шагомъ шагъ, чтобъ вновь зайти сюда,
Какъ въ прошлый разъ,—мы далеки отъ всякой
Опасности, какъ и отъ всякой славы.

БАЛЕА.

Но въ эту даль они ужь проникали
Съ успѣхомъ.

МИРРА.

Да; имъ помогла внезапность;
Но мужество отбило ихъ назадъ;
Теперь же насъ хранить и осторожность
И вмѣстѣ съ ней—геройство.

БАЛЕА:

Я. молю

Успѣха имъ!

МИРРА.

Теперь объ этомъ много
Молящихся; но болѣе — за это
Боящихся : да, это трудный часъ!
Я позабыть хочу о немъ. Увы!
Напрасный трудъ!

БАЛЕА.

Последнимъ поведенiемъ
Царь, говорятъ, не меньше поразилъ
Бунтовщиковъ, чѣмъ удивилъ всѣхъ вѣрныхъ
Приверженцевъ.

МИРРА.

Не трудно поразить,
Иль удивить толпу чернорабочихъ,
Орду рабовъ : а впрочемъ онъ отважно
Себя держалъ.

БАЛЕА.

Убилъ онъ Белезиса?

Я слышалъ отъ солдатъ, что онъ ему
На горло наступилъ.

МИРРА.

Несчастный былъ

У ногъ его; но онъ спасся отъ смерти,
Быть можетъ, лишь затѣмъ, чтобъ опрокинуть
Того, къмъ былъ такъ честно побѣжденъ,
Кто далъ ему пощаду за измѣну,
Кто за порывъ великодушный свой
Теперь короной платить.

БАЛЕА.

Чу!

МИРРА.

Ты правъ;

То шумъ шаговъ... медлительныхъ, но ровныхъ.

*(Входятъ солдаты, внося раненаго
Салимена; въ боку его видны обло-
мокъ дротика, которымъ онъ раненъ;
его кладутъ на одну изъ скамей,
входящихъ въ составъ мебели).*

МИРРА.

Увы, Юпитеръ!

БАЛЕА.

Всѣ погибло.

САЛИМЕНЪ.

Ложь!

Убить раба, сказавшаго ее,
Коль онъ солдатъ.

МИРРА.

Такъ пощади его:

Онъ не солдатъ, онъ мотылекъ придворный,
Порхающій въ сіяньи царской славы.

САЛИМЕНЪ.

Такъ пусть его живетъ.

МИРРА.

И ты, надѣюсь,

Останешься въ живыхъ!

САЛИМЕНЪ.

Я пережить

Хотѣлъ бы этотъ часъ и эту битву;
Но въ этомъ сомнѣваюсь. Для чего
Вы принесли сюда меня?

СОЛДАТЪ.

Намъ было

Приказано. Когда ты пораженъ
 Былъ дротикомъ, упалъ и чувствъ лишился,
 Царь именно велѣлъ тебя вотъ въ эту
 Палату перенести.

САЛИМЕНЪ.

И хорошо

Онъ поступилъ, не то средь этой схватки
 Губительной, — видъ мертваго вождя
 Могъ потрясти солдатъ; но только это
 Не воскресить меня — и мнѣ не жить.

МИРРА.

Дай мнѣ взглянуть на рану; я съ наукой
 Врачебною не вовсе не знакома.
 Въ моей родной странѣ съ ней воспитанье
 Знакомить насъ. Война для нашихъ взоровъ
 Простой, вседневный видъ.

СОЛДАТЪ.

Не лучше ль дротикъ

Сперва извлечь —

МИРРА.

Нѣтъ, нѣтъ, нельзя, постой!

САЛИМЕНЪ.

Такъ кончено!

МИРРА.

Меня пугаетъ кровь,

Которая за вынутымъ оружьемъ
 Должна изъ раны хлынуть.

САЛИМЕНЪ.

Я боюсь

Не смерти, — нѣтъ. Гдѣ былъ въ то время царь,
 Какъ вы меня изъ битвы выносили?

СОЛДАТЪ.

Вблизи тебя, одушевляя видомъ
 И голосомъ смутившихся солдатъ,
 Которыхъ видъ ихъ падшаго вождя
 Шатнулъ назадъ.

САЛИМЕНЪ.

Не слышо-ль кто назначенъ

Начальствовать?

СОЛДАТЪ.

Я не слыжалъ.

САЛИМЕНЪ.

Скорѣй-же

Лети къ нему; скажи, что мой послѣдній
 Ему совѣтъ — отдать начальство Замъ,

Пока придетъ къ намъ Офратанъ изъ Сузы,
Сатрапъ, котораго мы ожидаемъ!
Идите всѣ: для нашихъ войскъ замѣтно
Отсутствіе столь многихъ рукъ.

Солдаты.

Но князь —

Салимень.

Иди! я говорю. Вотъ царедворецъ
И женщина — какого лучше надо
Мнѣ общества подъ сводами палатъ?
Вы не дали мнѣ умереть средь боя;
Я не хочу, чтобъ праздные солдаты
Торчали при одрѣ моемъ. — Въ походъ!

(Солдаты уходятъ).

Мирра.

Высокая, прекрасная душа!
Ужель земля должна тебя лишиться?

Салимень.

Ахъ, ласковая Мирра, я доволенъ
Кончиною такою, лишь-бы въ ней
Монархія, или монархъ — спасенье
Нашли себѣ... никто, по крайней мѣрѣ,
Не скажетъ мнѣ, что я ихъ пережилъ.

Мирра.

Ты все блѣднѣй становишься.

Салимень.

Дай руку;

Зачѣмъ страдать отъ этого осколка
Ты мнѣ велишь, коль не даешь мнѣ силы
Полезнымъ быть? — Я вырвалъ-бы его
И съ жизнію... когдабъ лишь зналъ о ходѣ
Сраженія.

(Входитъ Сарданапалъ въ сопровожденіи солдатъ).

САРДАНАПАЛЪ.

Безцѣнный братъ!

Салимень.

А битва

Проиграна?

САРДАНАПАЛЪ *(съ отчаяніемъ)*.

Ты видишь, что я здѣсь.

Салимень.

Вотъ какъ тебя я видѣть радъ.

(Вырываетъ изъ раны дротикъ и умираетъ).

САРДАНАПАЛЪ.

Я такъ

И покажу себя, — лишь развѣ намъ
Подать успѣетъ помощь Офратанъ, —
Послѣдняя былинка всѣхъ разбитыхъ
Надеждъ моихъ.

МИРРА.

Ты слышалъ-ли, что братъ твой
Предъ смертью завѣщалъ, чтобы вождемъ
Былъ Зама?

САРДАНАПАЛЪ.

Слышалъ.

МИРРА.

Гдѣ-же Зама.

САРДАНАПАЛЪ.

Умеръ.

МИРРА.

Альтада?

САРДАНАПАЛЪ.

Умираетъ.

МИРРА.

Панія —

И Сферо?

САРДАНАПАЛЪ.

Панія еще въ живыхъ;

А Сферо нѣ бѣжалъ, нѣ въ плѣну.

Я весь — одинъ.

МИРРА.

Ужели все погибло?

САРДАНАПАЛЪ.

Не будь еще измѣны, — наши стѣны,

Хотя онѣ укрѣплены и слабо, —

Противу силъ теперешнихъ стоятъ

Еще моглибъ, — но въ полѣ —

МИРРА.

Мнѣ казалось,

Что Салименъ не думалъ нападенья

Предпринимать безъ новыхъ силъ, которыхъ

Онъ ожидалъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Но я его увлекъ.

МИРРА.

О чемъ жалѣть? — Ты увлеченью храбрыхъ

Послѣдовалъ.

САРДАНАПАЛЪ.

На гибель. Братъ мой, братъ!
 Я отдаю—бы всю власть мою, которой
 Ты былъ щитомъ, мечемъ и украшеньемъ
 И честью искупительной, чтобъ вновь
 Вернуть назадъ... Но надъ тобой лить слезы
 Не буду я. Нѣтъ, ты оплаканъ будешь
 Какъ самъ ты быть оплаканнымъ желалъ....
 Я объ одномъ скорблю, что умирая,
 Ты думать могъ, что я переживу
 Все то, за что ты умеръ, — наше царство
 И царственность властительнаго рода.
 Когда я ворочу ихъ,—въ искупленье
 За жизнь твою я дамъ тебѣ кровь тысячъ
 И слезы миллионовъ... (Слезы честныхъ
 И добрыхъ душъ и безъ того твои.)
 Не то... не то, тебя я не заставлю
 Свиданья ждать со мною, если точно
 Въ насъ есть душа... Ты видишь эту душу!
 Отдай ей справедливость. Дай я руку
 Твою пожму, пока она тепла;
 Дай приложусь къ небьющемуся сердцу
 Я сердцемъ бьющимся такъ горько, горько.
 (*Обнимаетъ тѣло.*)

Ну—уберите тѣло.

Солдаты.

Царь!—куда?

САРДАНАПАЛЪ.

Въ мой собственный покой. Подъ балдахномъ
 Поставь его, какъ будто бы подъ нимъ
 Кладутъ царя: обряды похоронъ,
 Приличные такому праху,—мы
 Опредѣлимъ потомъ.

(*Солдаты уходятъ съ тѣломъ
 Салимена. Входитъ Панія.*)

Что Панія?

Разставилъ ли ты стражу, все ль исполнилъ,
 Что я велѣлъ?

Панія.

Монархъ,—что только могъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Какъ держутся солдаты?

Панія.

Государь?

САРДАНАПАЛЪ.

Ты все сказалъ!—Когда на царскій спросъ

Вопросомъ отвѣчаютъ, — это признакъ
Злосчастія. Войска упали духомъ?

Панія.

Побѣдный крикъ мятежниковъ при видѣ
Паденія и смерти Салимена
Заставилъ ихъ —

Сарданапалъ.

Разсвирѣпѣть, — не дрогнуть, —
Онъ долженъ былъ заставить ихъ; но мы
Ихъ вдохновимъ.

Панія.

Подобная потеря

И самую побѣду опечалитъ.

Сарданапалъ.

Увы! да кто такъ чувствовать способенъ
Ее, какъ я? — А впрочемъ, хоть и точно,
Насъ заперли въ стѣнахъ, — но эти стѣны
Падутъ не вдругъ; притомъ мы ждемъ отважныхъ,
Которые себѣ проложатъ путь
Сквозь вражій станъ, чтобъ царское жилище
Вновь сдѣлать тѣмъ, чѣмъ быть оно должно: —
Дворцомъ, а не тюрьмой, и не бойницей.

(Входитъ Почетный Стражъ.)

Твое лицо мнѣ кажется зловѣщимъ.

Но говори!

Почотный Стражъ.

Не смѣю.

Сарданапалъ.

Какъ — не смѣешь?

Да противъ насъ ослѣпились миллионы
Возстать открытой силой! Странно. Я
Прошу тебя — прерви свое молчанье
Столь честное; не бойся оскорбить
Меня ничѣмъ: ты ничего не скажешь,
Чѣмъ могъ бы изумить меня.

Панія.

Ты слышишь, —

Разсказывай.

Почотный Стражъ.

Стѣна, которой берегъ

Былъ обнесенъ, внезапнымъ наводненьемъ
Разрушена. Бушующій Евфратъ,
Пресыщенный послѣдними дождями
Тѣхъ гонныхъ странъ, отколѣ онъ начало
Беретъ свое, изъ береговъ вдругъ хлынулъ
И повалилъ береговой оплотъ.

Панія.

Зловѣщій знакъ! Есть искони вѣковъ
Преданіе «что городъ чловѣку
Не будетъ данъ, пока рѣка не будетъ
Ему врагомъ.»

Сарданапалъ.

Преданье—ничего;
Но съ этихъ разрушеньемъ примириться...
Я не могу.—А какъ великъ пространствомъ
Проломъ стѣны?

Почотный Стражъ.

Примѣрно—стадій въ двадцать.

Сарданапалъ.

И это все доступно нападенью
Мятежниковъ?

Почотный Стражъ.

Пока рѣка въ разливіи,
Имъ невозможенъ приступъ; но какъ скоро
Она опять войдетъ въ свое русло,
И вновь начнутъ обычной чередою
По ней ходить судя,—дворецъ въ ихъ власти.

Сарданапалъ.

Нѣтъ, этого не будетъ никогда!
Пусть возстаютъ стихіи, боги, люди
И знаменья противъ того, кто ихъ
Вооружать не думалъ,—никогда
Домъ моего отца не будетъ смрадной
Пещерою волковъ; ни жить, ни выть
Не будутъ въ немъ они.

Панія.

Позволь на мѣстѣ

Мнѣ осмотрѣть проломъ и предпринять
Возможныя—по времени и средствамъ—
Къ его защитѣ—мѣры.

Сарданапалъ.

Это такъ,

Лети стрѣлой; взгляни на все, подробно
Все разузнай и не заставь меня
Отчета ждать объ этомъ наводненіи.

(Панія и Почотный Стражъ уходятъ).

Мирра.

Вотъ до чего дошло,—что даже воды
Противъ тебя.

Сарданапалъ.

Они мнѣ не подвластны,

Красавица, и такъ какъ я не въ силахъ
Ихъ наказать, то долженъ извинить.

МИРРА.

Я радуюсь, что этимъ предвѣщаньемъ
Ты не сраженъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Я выше предвѣщаній
Стою теперь; они мнѣ ничего
Не могутъ предсказать, чего бы самъ я
Не предсказалъ себѣ за эту ночь.
Отчаянье не можетъ знать боязни.

МИРРА.

Отчаянье!

САРДАНАПАЛЪ.

Чтобъ говорить точнѣе, —
Такъ не отчаянье. Какъ скоро мы
Безтрепетно предвидимъ все, что можетъ
Постигнуть насъ; то наша твердость стѣитъ
Быть названной не столь обиднымъ словомъ. —
Но что для насъ слова? — мы все почти
Покончили и съ ними — и со всѣмъ.

МИРРА.

Еще одно послѣднее дѣянье —
Равно для всѣхъ великое, вѣнецъ
Всего, что было, есть, что только быть
Готовится, — единственная вещь
Столь общая всѣмъ людямъ — столь различнымъ
По ихъ странамъ, рождению, нравамъ, цвѣту,
По временамъ, характерамъ, языкамъ,
Чертамъ лица, наклонностямъ и чувствамъ,
Безъ всякаго подобія во всемъ
И сходнымъ только въ этомъ, для чего
Мы родились, страдали, пресмыкались,
Къ чему мы шли съ таинственною нитью
Сквозь лабиринтъ, что называютъ — жизнь.

САРДАНАПАЛЪ.

Но такъ какъ нашъ клубокъ почти размотанъ, —
То будемъ веселѣе. Кто пресыщенъ
Боязнію, тотъ можетъ улыбаться
И передъ тѣмъ, чего робѣлъ когда-то.
Такъ пугало, бывъ понято ребенкомъ,
Смѣшитъ его.

(Панія возвращается).

ПАНИЯ.

Все это такъ, какъ было

Донесено: въ мѣстахъ не столь опасныхъ
Я приказалъ уменьшить караулъ
Съ тѣмъ, чтобъ двойной поставить у пролома
Пробитаго водою.

Сарданапалъ.

Ты свой долгъ
Исполнилъ такъ, какъ могъ одинъ—достойный
Мой Панія; и этимъ наши связи
Кончаются.—Прошу тебя, возьми
Вотъ этотъ ключъ:

(Даетъ ему ключъ.)

Онъ отмыкаетъ двери
У комнаты, устроенной въ стѣнѣ
Моей палаты спальной, за моей
Кроватію—(увы! обремененной
Столь благородной ношею теперь,
Какой еще носить ей не случилось;
Хоть въ рамкахъ золотыхъ ея такъ много
Царей опочивало: — я хочу
Сказать о томъ, что было Салименомъ
Лишь часъ назадъ); тотъ сокровенный ходъ
Ты отыщи; онъ грудами сокровищъ
Загроможденъ; бери изъ нихъ себѣ,
Бери друзьямъ: вамъ всѣмъ до пресыщенья
Достанетъ ихъ; рабовъ я объявляю
Свободными; всѣмъ во дворцѣ живущимъ
Всѣхъ возрастовъ и половъ я даю
Совѣтъ—его оставить, и, немедля,
Пусть заберутъ весь царскій флотъ, когда-то
Забавою служившій, а теперь
Убѣжищемъ отъ золь, и поплывутъ;
Рѣка такъ широка и полноводна,
И, будучи властительнѣй царя,
Свободна отъ осады.—На корабль!
И будьте счастливы!

Панія.

Будь намъ вождемъ!
Мы вѣрною дружиной за тобою
Послѣдуемъ.

Сарданапалъ.

Нѣтъ, это невозможно,
Мой Панія! бѣги отсель, меня же
Оставь моей судьбѣ.

Панія.

Я никогда
Ослушнымъ не являлся; но теперь—

САРДАНАПАЛЪ.

Ужель я палъ такъ глубоко, что наглость
 Моихъ друзей равняется измѣнѣ
 Моихъ враговъ?—Ни слова!—это мой
 Приказъ тебѣ, приказъ послѣдній мой.
 Ужели ты его нарушишь? ты?

ПАНІЯ.

Дай время намъ—

САРДАНАПАЛЪ.

Даю; но поклянись

Покорнымъ быть, какъ только я дамъ знакъ.

ПАНІЯ.

Хоть тяжело, но вѣрность есть мой долгъ:—
 Я обѣщаю.

САРДАНАПАЛЪ.

Этого довольно.

Теперь веди принести сюда побольше
 Сухой сосны, увядшихъ листьевъ, прутьевъ,
 Такихъ веществъ, чтобъ обнялись пожаромъ
 Въ единый мигъ и отъ одной лишь искры;
 Не забудь о кедрѣ, принеси
 Душистыхъ смолъ, кореньевъ благовонныхъ.
 А чтобъ огонь былъ ярче и сильнѣй
 Поболѣе-досокъ большихъ; ни мирры,
 Ни ладону не забудь съ собою
 Принести сюда... я для великой жертвы
 Костеръ сооружаю... уложи
 Все это вокругъ престола.

ПАНІЯ.

Государь!

САРДАНАПАЛЪ.

Не возражай, ты мнѣ клялся.

ПАНІЯ.

Я бѣ вѣрнымъ

Остался и безъ клятвъ.

(Панія уходитъ.)

МИРРА.

Что это значитъ?

САРДАНАПАЛЪ.

Объ этомъ ты узнаешь, подожди;
 Вселенная не забудетъ вѣчно
 О томъ что это значитъ.

(Панія возвращается съ вѣстникомъ.)

*

Паня.

Государь,
При выходѣ отсель вотъ этотъ вѣстникъ
Мнѣ встрѣтился; онъ умолялъ представить
Его къ тебѣ.

Сарданапалъ.

Онъ можетъ говорить.
Въ чемъ дѣло?

Вѣстникъ.

Царь-Арбакъ —

Сарданапалъ.

Ужь онъ успѣлъ
Короноваться? Какъ!—Но продолжай.
Я слушаю, что дальше—

Вѣстникъ.

Белезисъ

Верховный жрецъ, помазанный служитель—

Сарданапалъ.

Какихъ боговъ, иль дьяволовъ?—Съ другими
Царями воздвигаются тотчасъ
И алтари другіе.—Продолжай.—
Ты можешь мнѣ не отвѣчать; ты присланъ
Лишь волю господина своего
Мнѣ передать.

Вѣстникъ.

И Офратанъ, —сатрапъ—

Сарданапалъ.

Какъ Офратанъ? Онъ былъ одинъ изъ нашихъ.

Вѣстникъ.

Онъ въ станѣ побѣдителей теперь,
И вотъ его перстневая печать.

(Показываетъ перстень.)

Сарданапалъ.

Кольцо его.—Кто можетъ быть достойнѣй
Такихъ людей? Ты во время покончилъ,
Мой бѣдный Салименъ! одной измѣной
Ты видѣлъ меньше: этотъ человекъ
Былъ изъ числа друзей твоихъ; онъ былъ
Мой подданный вѣрнѣйшій... Продолжай.

Вѣстникъ.

Тебѣ даруютъ жизнь; ты въ правѣ выбрать
Одну изъ отдаленныхъ областей
Для жительства; тамъ будетъ за тобою
Слѣдить надзоръ; но лично ты свободенъ,
И дни свои въ спокойствіи и мирѣ
Ты можешь проводить тамъ, но съ однимъ

Условіемъ: троихъ князей наслѣдныхъ
Ты всѣхъ отдашь въ заложники.

САРДАНАПАЛЪ, (*насмѣшливо*).

Такъ, такъ.—

Кто могъ бы ждать такого снисхожденья
Отъ побѣдителей?

Вѣстникъ.

Я жду отвѣта.

САРДАНАПАЛЪ.

Отвѣта? рабъ! давноль располагаютъ
Рабы судьбой царей?

Вѣстникъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ стали

Разумнѣе.

САРДАНАПАЛЪ.

Прислужникъ мятежа!

Я покажу тебѣ, по крайней мѣрѣ,
Какъ измѣнять опасно. Панія!
Снять голову съ него и со стѣны
Забросить въ станъ мятежниковъ, а трупъ
Вдоль по рѣкѣ пустить.—Покончи съ нимъ!

(*Панія и солдаты овладѣваютъ имъ*).

Панія.

Я никогда съ подобнымъ наслажденьемъ
Не исполнялъ твоей высокой воли.
Солдаты, вонъ отсель! не оскверняйте
Столь царственныхъ палатъ—такую кровью
Нечистою. Мы кончимъ на просторѣ
Съ измѣнникомъ.

Вѣстникъ.

Одно лишь слово: званье

Мое священно, царь.

САРДАНАПАЛЪ.

А это званье,

Которое—ты оскорбилъ во мнѣ,
Такъ нагло предложивъ мнѣ отказаться
Отъ правъ моихъ? Оно какого свойства?

Вѣстникъ.

Я долженъ былъ исполнить порученье;
За мой отказъ меня могла постигнуть
Такая же опасность, какъ теперь.

САРДАНАПАЛЪ.

Такъ вотъ они—минутные монархи!
Ужъ деспоты... какъ будто багряница
Пеленками служила имъ—и тронъ
Съ младенчества ихъ няньчилъ.

Вѣстникъ.

Жизнь моя

Лишь твоего дыханья ждетъ. Твоя,—
Я говорю о томъ, что такъ возможно,
И говорю съ смиреніемъ,—твоя
Находится въ опасности нисколько
Не меньшей, можетъ быть: ужель послѣднимъ
Двѣніемъ великаго потомства
Немвродова—въ его послѣдній часъ
Должна быть смерть невиннаго посла,
Смиренаго, безсильнаго? Ужель
Въ подобный часъ свершится поруганье
Должно надъ всѣмъ, что только человѣкъ
Привыкъ считать святымъ межъ человѣкомъ
И человѣкомъ?—Царь! быть милосердымъ
Все тожь—что быть богоподобнымъ!—Царь!

Сарданапалъ.

Онъ правъ;—пустить его;—послѣднимъ чувствомъ
Моей души не будетъ чувство гнѣва.
Поди сюда, пріятель.

(Беретъ со стола золотую чашу).

Этотъ кубокъ

Я отдаю тебѣ; пей изъ него
Вино свое и помни обо мнѣ;
Иль сплавъ его и помни объ одной
Лишь цѣнности и тяжести металла.

Вѣстникъ.

Благодарю вдвойнѣ тебя: за жизнь
И этотъ даръ, дающій цѣну жизни.—
Съ какимъ же я иду отвѣтомъ?

Сарданапалъ.

Да...

Скажи, что я прошу на размышленье
Часъ перемирія.

Вѣстникъ.

Лишь часъ?

Сарданапалъ.

Лишь часъ:

Какъ скоро я по окончаньи срока
Къ союзникамъ ни съ чѣмъ не отнесусь,—
То это знакъ, что я не принимаю
Условій ихъ, и пусть они поступаютъ,
Какъ захотятъ.

Вѣстникъ.

Я не премину быть,

Твоимъ истолкователемъ вѣрнѣйшимъ.
(*Намъревается уйти*).

САРДАНАПАЛЪ.

Постой! еще два слова.

ВѢСТНИКЪ.

Я ихъ жду —
Чего бы мнѣ ни стоило —

САРДАНАПАЛЪ.

Снеси

Поклонъ мой Белезису и скажи,
Что ровно черезъ годъ я съ нимъ увижусь.

ВѢСТНИКЪ.

Гдѣ?

САРДАНАПАЛЪ.

Въ Вавилонѣ; онъ, по крайней мѣрѣ,
Отправится ко мнѣ оттуда.

ВѢСТНИКЪ.

Я

Все передамъ до буквы.

(*Уходитъ.*)

САРДАНАПАЛЪ.

Панія!

Мой добрый Панія! теперь за дѣло.
Живѣ!

Панія.

Царь, я приказалъ солдатамъ.

Вотъ и они, смотри.

(*Входятъ солдаты и устриваютъ около трона костеръ.*)

САРДАНАПАЛЪ.

Друзья! повыше

И поплотнѣй. Раздвиньте основанье
Такъ, чтобъ оно пресытило не вдругъ
Пирующее пламя, чтобъ его
Не такъ легко казалось погасить
Услужливой рукою, если можетъ
Найтись такая. Главное, — чтобъ тронъ
Пришелся въ самомъ сердцѣ: жаль его
Мнѣ выскочкамъ покинуть; пусть на долю
Имъ упадетъ огнемъ неистребимый
Лишь грузъ его... Смолы, смолы побольше.
Старайтесь такъ, какъ будто мы твердыню
Своихъ враговъ закоренѣлыхъ сжечь
Сбираемся. Вотъ такъ. Теперь въ немъ есть
Внушающее что-то! Панія!

Что скажешь ты—довольно ли такого
Костра для похоронъ царя?

Панія.

И царства; да.

Теперь я понимаю.

Сарданапалъ.

И меня,

Быть можетъ, осуждаешь?

Панія.

Нѣтъ. Дозволь

Зажечь лишь мнѣ костеръ и раздѣлить
Его съ тобой.

Мирра.

Долгъ этотъ—мой.

Панія.

Какъ,—женскій?

Мирра.

Обязанность солдата умирать
За своего царя, такъ почему
Не умереть бы женщинѣ съ своимъ
Возлюбленнымъ?

Панія.

Но это—чрезвычайно!

Мирра.

Не такъ однако рѣдко, какъ ты могъ
Вообразать, мой Панія. Межъ тѣмъ
Желаю долго жить тебѣ. Прощай!
Костеръ готовъ.

Панія.

Да какъ же моего

Я умирать покину государя
Лишь съ женщиной?

Сарданапалъ.

Я много, слишкомъ много

Себѣ предтечь имѣлъ уже ко праху.
Обогатись и уходи.

Панія.

Чтобъ жить

Въ безславіи.

Сарданапалъ.

Не позабудь, что ты

Далъ клятву мнѣ: она невозвратима.

Панія.

Когда ужъ такъ, властитель мой!.. Прощай!

САРДАНАПАЛЪ.

Обыскивай теперь мои покои
 Прилежнѣе. Не чувствуй угрызений
 Брать золото. Не позабудь, что все,
 Чтò только ты оставишь, ты оставишь
 Рабамъ, моимъ убійцамъ. Но какъ скоро
 Вы на суда отправитесь, дворецъ
 Покинувъ безопасно, дай мнѣ знакъ;
 Возьми рожокъ и длинный, длинный звукъ
 Издай на немъ: рѣчные берега
 Такъ далеки; рѣка такъ говорливо
 Течеть теперь, что слабый звукъ навѣрно
 Сюда не долетитъ оттоль. Потомъ —
 Счастливы путь! плыви своей дорогой
 Вдоль береговъ Евфрата... Оглянись
 Не позабудь, мой Панія, назадъ
 И вновь плыви, плыви вдоль береговъ
 Широкаго Евфрата: если ты
 Достигнешь Пафлагоніи, гдѣ Котта
 Царицѣ оказалъ гостепріимство
 Съ тремя дѣтьми моими, расскажи
 Ей обо всемъ, что видѣлъ на прощаньи
 И попроси не забывать о томъ,
 Чтò при другомъ, при болѣе печальномъ
 Прощаньи говорилъ я.

Панія.

Эту руку
 Высокую! Дозволь намъ прикоснуться
 Устами къ ней—и мнѣ и этимъ бѣднымъ
 Солдатамъ, окружающимъ тебя,
 Хотѣвшимъ бы и умереть съ тобою.

*(Солдаты и Панія тѣсняются вокругъ
 Сарданапала, цѣлуя его руку и полу
 его одежды.)*

Сарданапалъ.

Друзья мои! послѣдніе мои
 И лучшіе друзья! Къ чему вводить
 Въ уныніе другъ друга? лучше вдругъ
 Разстанемся. Послѣднія прощанья
 Мгновенными должны быть, а не то
 Мгновенья ихъ покажутся намъ съ вѣчностью,
 И слезы ихъ лишь затруднятъ послѣдній
 Песчаный путь по жизненной степи.
 Скорѣй же въ путь и будьте счастливы:
 Повѣрьте мнѣ, что если сожалѣній
 Есть что нибудь достойное во мнѣ,

Такъ это то скорбѣй, что я родился,
 Чѣмъ то, что умираю... остальное
 Въ рукахъ боговъ, коль есть они... я скоро
 Узнаю все. Прощайте же, прощайте.

(Панія и солдаты уходятъ.)

МИРРА.

Вотъ честныя созданья: есть отрада
 Послѣднй взоръ на любящемъ лицѣ
 Остановить.

САРДАПАЛЪ.

И на возлюбленномъ,
 Красавица! Но слушай, если въ это
 Мгновеніе,—а мы дошли до краю,—
 Ты чувствуешь сердечную боязнь
 Однимъ скачкомъ вступить сквозь пламя въ вѣчность,
 Откройся мнѣ: я тѣмъ не меньше буду
 Любить тебя; я полюблю, быть можетъ,
 И болѣе; не принуждай природы;
 И время есть спастись еще пока.

МИРРА.

Не время ль мнѣ въ сосѣдную палату
 Отправиться зажечь смолистый факель
 На алтарь Ваала отъ лампы,
 Пылающей огнемъ неугасимымъ?

САРДАПАЛЪ.

Иди; зажги. И это твой отвѣтъ?

МИРРА.

Увидишь самъ.

(Уходитъ.)

САРДАПАЛЪ *(одинъ)*.

Она тверда. Вы предки!
 Къ которымъ отхожу я, бывъ кончиной
 Освобожденъ отъ многихъ, многихъ пятенъ
 Столь грубаго существованья,—вы!
 Я вашего стариннаго жилища
 Не захотѣлъ невольникамъ—ворамъ
 Отдать на оскверненье... Если я
 Не сохранилъ наслѣдства, какъ его
 Вы завѣщали мнѣ, то этотъ перлъ
 Наслѣдія—вашъ домъ, богатства ваши,
 Въ немъ скрытыя, священные останки
 Оружій этихъ, статуи, колонны,
 И свитки лѣтописцевъ, и добычи
 Военныя, которыя они
 Въ пирахъ могли истратить, я съ собою

Къ вамъ уношу; я отдаю съ стихіи
 Сжигающей, столь родственной съ душою,
 Такъ какъ слѣдовъ вещественныхъ за ней,
 Какъ за душой, почти не остается.
 Нѣтъ, никогда столь царственный костеръ
 Для похоронъ еще не воздвигался;
 Пожаръ его не будетъ лишь простымъ
 Столбомъ огня и дыма, маякомъ,
 Подобнымъ метеору и потомъ
 Горой зола, о нѣтъ! онъ разгорится
 Свѣтиломъ поучающимъ вѣка,
 Мятежные народы и безпечныхъ
 Владыкъ земныхъ. Пусть истребляетъ время
 Дѣла героевъ, лѣтописи царствъ,
 Пускай съ лица земли сметаетъ царства
 Одно во слѣдъ другому, какъ теперь
 Развѣтъ въ прахъ древнѣйшее изъ нихъ;
 Царь подвиговъ—мой подвигъ и тогда
 Найдеть себѣ пощаду, будетъ вѣчной
 Задачею, которой подражать
 Осмѣлятся не многіе, никто
 Не оскорбитъ презрѣньемъ, для которой,
 Хоть кто нибудь оставитъ жизнь, быть можетъ,
 Ведущую къ такой развязкѣ.

(Мирра возвращается съ зажженнымъ факеломъ въ одной рукѣ и съ чашею въ другой.)

МИРРА.

Вотъ!

Фонарь зажженъ; онъ освѣщать насъ будетъ
 До самыхъ звездъ.

САРДАНАПАЛЬ.

А чаша?

МИРРА.

Возліянье

Богамъ хочу я сдѣлать: есть обычай
 Такой въ моей отчизнѣ.

САРДАНАПАЛЬ.

Мой обычай

Лишь дѣлать возліянья межъ людьми.
 Я не забылъ обычая.

(Беретъ чашу.)

Одинъ!...

Но и одинъ я осушу напитокъ
 На память всѣхъ веселыхъ ликованій
 Среди друзей.

(Выливаетъ и, опрокинувъ чашу,

*ударяетъ по дну, чтобы вырвать
каплю, которая и упадетъ.)*

А это возліанье
Во славу Белезиса.

МИРРА.

Отъ чего
Ты этого припомнилъ человѣка,
А не его сообщника въ измѣнѣ?

САРДАНАПАЛЪ.

Тотъ — лишь солдатъ, простой солдатъ, не больше.
Орудіе, родъ палаша въ рукахъ
Пріятеля; другой же — зачинатель,
Душа и жизнь солдатской этой куклы.
Но я ихъ забываю. — Погоди.
Скажи еще разъ, Мирра, точно-ль ты
Свободно, безбоязненно рѣшилась
Идти за мной?

МИРРА.

Ужель ты можешь думать
Что греческой дѣвицѣ изъ любви
Труднѣе сдѣлать то, что изъ обряда
Дерзаетъ дѣлать въ Индіи вдова?

САРДАНАПАЛЪ.

Поэтому, мы ждемъ теперь лишь знака.

МИРРА.

Онъ долго заставляетъ ждать.

САРДАНАПАЛЪ.

Прощай;

Одинъ послѣдній поцѣлуй...

МИРРА.

Одинъ,

Но не послѣдній: остается
Еще одинъ.

САРДАНАПАЛЪ.

Да, правда; это пламя
Пожарное соединитъ нашъ пепель.

МИРРА.

И чистый, какъ любовь моя, онъ будетъ
Свободенъ отъ страстей земныхъ отъ всей
Ихъ ржавчины. Мнѣ грустно объ одномъ лишь.

САРДАНАПАЛЪ.

Скажи — о чемъ?

МИРРА.

Ничья рука съ любовью
Нашъ общій прахъ не соберетъ и урной
Надгробной не почититъ его.

САРДАНАПАЛЬ.

Тѣмъ лучше :

Пусть разнесутъ его скорѣ вѣтры
Въ просторномъ поднебесьи, чѣмъ руками
Нечистыми еще разъ осквернятъ
Измѣнники. Плающій дворецъ
И стѣнъ его дымящихся обломки
Громадные оставятъ по себѣ
Намъ памятникъ, какого самъ Египетъ,
Горами громоздившій кирпичи,
Не воздвигалъ надъ мертвыми царями,
Иль надъ скотами,—такъ какъ неизвѣстно,
Кто изъ двоихъ подъ гордой пирамидой
Покоится — монархъ, иль быкъ, — богъ Аписъ :
Такъ вотъ оно безсмертье! — Пирамида
Забыла лѣтопись свою.

МИРРА.

Прощай,

Прощай, земля! И ты столь мной любимый,
Край на землѣ, ты, — Греція! прощай.
Будь навсегда свободна и прекрасна,
Никѣмъ непобѣдима!—За тебя
Была моя послѣдняя молитва
И о тебѣ мои всѣ думы были
Послѣднія, кромѣ одной—

САРДАНАПАЛЬ.

А эта?

МИРРА.

Твоя.

(Раздается рожокъ Паніи.)

САРДАНАПАЛЬ.

Чу! слушай

МИРРА.

Наконецъ!

САРДАНАПАЛЬ.

Прощай,

О Ассирія! я любилъ тебя,
Любилъ тебя, страна моихъ отцовъ,
И больше какъ отчизну, чѣмъ какъ царство.
За радости, за миръ, которымъ я
Тебя пресытилъ—вотъ моя награда!

И я теперь ничѣмъ, ничѣмъ тебѣ
Не одолженъ, ниже моей могилой
(*Всходитъ на костеръ.*)

Ну, Мирра.

МИРРА.

Ты готовъ?

САРДАНАПАЛЪ.

Какъ этотъ факелъ

Въ твоихъ рукахъ.

(*Мирра зажигаетъ костеръ.*)

МИРРА.

Пылаеть! я иду.

(*Мирра принимаетъ положеніе, чтобы съ размаху
броситься въ пламя; занавѣсъ падаетъ.*)

Е. Заринъ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

^{Ду}
ДЕКАБРЬ.

Въ будущемъ 1861 году, въ «БИБЛИОТЕКЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ» будутъ напечатаны: «*Старческій грѣхъ*» Повѣсть А. Писемскаго, «*Не все въ деньгахъ*» Комедія Н. Островскаго, «*Ребенокъ*» Вабарыкина, «*Кулербертъ*» И. Гонслера, «*Настасья-Эколомка*» (автора Шумскаго), Повѣсть И. С. Тургенева и другія.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТАДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1860.